

КРЕСТЬЯНКА

№ 7 ИЮЛЬ 1963

Лавой
Война
Прокатилась
По странам
И сникла
Отбушевавшим
Вулканом.

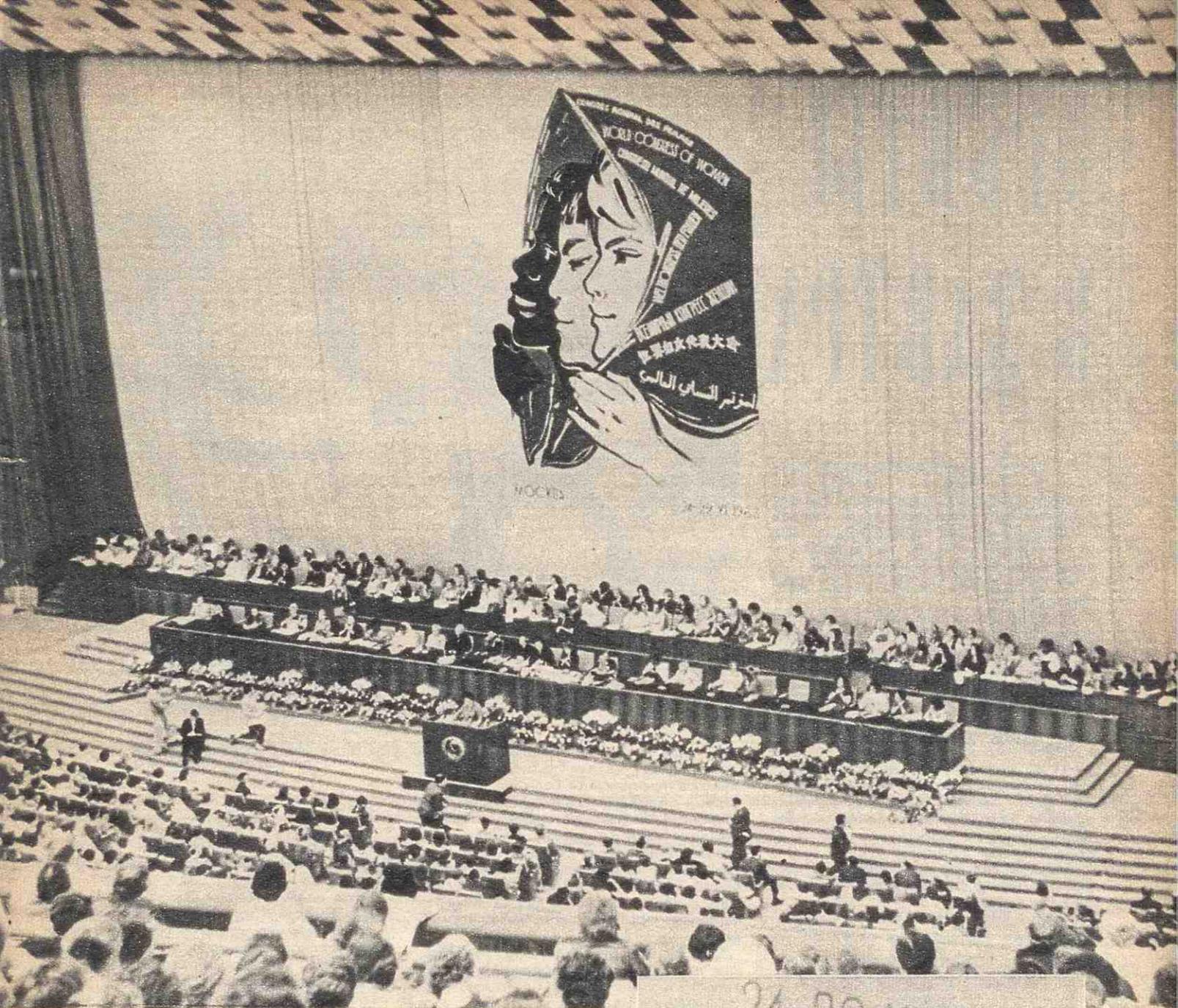
Но матери,
Матери,
Матери
Взгляды
Скрестили
На кратере.

Глядят
Неустанно,
Глядят
День за днем,
Потух ли
Вулкан тот
Иль дышит
Огнем.

НИНА САНИЦКАЯ

Рисунок Н. ЗАХАРЖЕВСКОГО.

За всю свою историю международное женское движение не знало такого представительного, такого широкого собрания, как Всемирный конгресс женщин, который проходил в Москве, в Кремлевском Дворце съездов. За столом президиума рядом с известной общественной деятельницей Индии Капилой Ихандвала — первая в мире женщина-космонавт Валентина Терешкова.

Фото С. ВЕТЧИНИНА.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

КРЕСТЬЯНКА

№ 7 ИЮЛЬ 1963

42-й ГОД ИЗДАНИЯ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИИ

И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫИ

ЖУРНАЛ. ПОДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ОРБИТЫ В ЗАВТРА

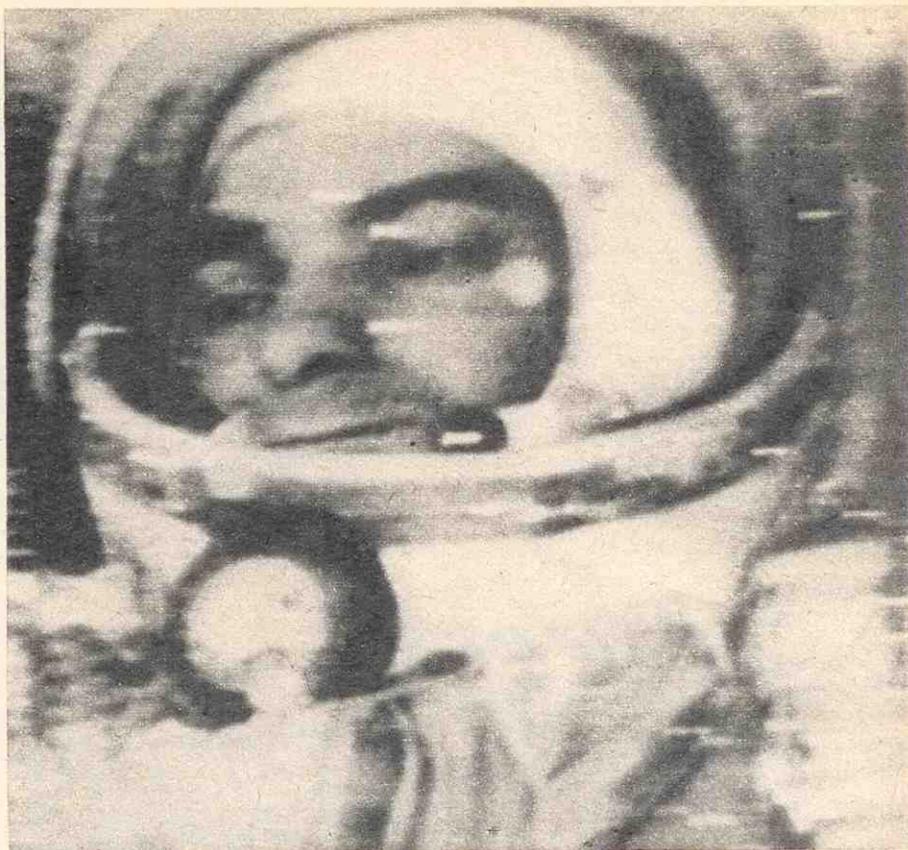
Было семь легендарных «чудес света»; все, что сверх того некогда было принято называть «восьмым чудом». Удивительные свершения люди считали сначала единицами, потом сотнями. Наш век оказался особенно расторопным и удачливым творцом удивительного. «Чудеса» стали теперь нормой обыденности.

Кажется, с этим примирились все. Кроме журналистов. Журналисты, самые неизлечимые охотники за удивительным, откликнулись по-своему. Они стали часто писать: «Вот удивительно: современного человека трудно удивить». Писалось так и в связи с новыми советскими космическими стартами.

Действительно, в сообщении ТАСС о том, что подполковник Валерий Быковский с космодрома Байконур начал новый рейс к звездам, едва ли кто-нибудь услышал ноту сенсации. Слово «чудо» здесь никак не применимо при всей грандиозности события.

Почему? Только ли потому, что «современного человека трудно удивить»? Думается, что нет.

Нового взлета все ждали. У каждого свежи еще воспоминания от 12 апреля

1961 года, когда стартовал Юрий Гагарин — первый человек в космосе. Еще живее в памяти полет Германа Титова — первый продолжительный вояж по Вселенной. И совсем уже свежее событие: звездная вахта Андрияна Николаева и Павла Поповича — первая групповая экспедиция за пределы планеты. После такого начала все готовы были услышать о новом взлете со дня на день. Но не только опыт прошлого питал ожидания.

Есть лучший проводник в будущее, чем память. Этот проводник — прозрение.

Обратимся к свидетельствам современников, которые выступили в печати после совсем уже феноменального известия о полете Валентины Терешковой. Эта весть извлекла из типографских касс весь запас восклицательных знаков. Газеты мира писали: «Женщина переступила порог космоса!», «Командир «Востока-6» — девушка из Советского Союза!», «Валентина Терешкова — первая женщина в истории человечества — ведет космический корабль!»

Как отозвались люди об этом событии?

Эжени Коттон, председатель Международной демократической федерации женщин (Франция): «Я, как и многие другие, была уверена, что если когда-нибудь женщина поднимется в космос, то это будет советская женщина.»

Андреа Андреен, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (Швеция):

Маленький Валерик — сынишка Валерия и Валентины Быковских — пока и не догадывается, из какого «лутешества» вернулся его отец.

Таким видели Валерия Быковского миллионы телезрителей.

«Я верила, что русская женщина первой будет в космосе. Это должно было случиться.»

«Это должно было случиться» — вот самая краткая и точная формула чувств, с которыми мир встретил сообщение о великольном подвиге ярославской текстильщицы. Польская писательница Янина Броневская тоже очень коротко выразила причину этой всеобщей уверенности: «...Советский Союз верен себе. Он не только первым установил равенство женщин и мужчин на земле, но и

А вот они все вместе — Никита Сергеевич Хрущев, пятеро небесных братьев и их сестра.

перенес эти принципы в новый космический мир».

Люди смогли предвидеть новый успех советской науки, новое воплощение советских норм жизни, даже не будучи гражданами нашей страны. Этой способности — предвидеть, прозревать события — научило их наблюдение за твердым, поступательным и последовательным ходом советской истории во всех ее аспектах — от борьбы за равноправие женщин до штурма космического пространства. Впрочем, после того как передатчик Валентины Терешковой послал приветствия женщинам, борющимся за лучшую долю, проблемы эмансипации и звездоплавания не стали казаться такими уж разобоченными, далекими друг от друга. Между ними есть своя связь, есть своя логика в том, что делегаты Всемирного конгресса женщин позвали в свой круг первую космонавтку.

У нас всегда идут в ногу прогресс технический и общественный, что совсем не характерно для капиталистического мира. Там достижения науки, индустрии нередко оборачиваются издевкой над достоинством человека. Вот только один курьезный, но чрезвычайно выразительный в своей анекдотической сути пример. Ученые-косметологи Запада пришли к выводу, что распространяемая в странах Востока паранджа, которой женщины по обычаю вынуждены прикрывать свое лицо, негигиенична. На смену ей с современных химических заводов Запада начались гигантские поставки... «гигиеничной» паранджи из нейлона! Прогресс химии обернулся экспортом варварства в целлофановой упаковке.

Женщины восточных республик СССР просто сбросили паранджу еще в первые годы Советской власти. Когда на сельских полях появилась такая «диковинка», как трактор, советские крестьянки стали первыми женщинами в мире, которые сели за руль этих машин. Когда самолеты еще только учились держаться в воздухе, наши летчицы не замедлили хозяйственно вступить в «пятый океан». Теперь советская женщина поднялась к звездам. В этом знак нашего неограниченного уважения к женщинам, подтверждение их права везде и всегда быть равноценными членами общества, полноправными капитанами прогресса.

Сразу после приземления космонавты ПЯТЬ и ШЕСТЬ попали «под обстрел» нетерпеливых журналистов.

В будущем, дали которого уверенно прощупываются расчетами, в предвидимом будущем, может быть, и впрямь остается меньше места для удивления. Но когда предвиденные достижения становятся явью, это не уменьшает нашей радости. И каждое новое событие — в коммунистическом строительстве на Земле, в штурме космоса — воспринимается как праздник, собирает людей у репродукторов, на улицах и площадях.

А в полете первой советской космонавтки есть и своя, особая радость.

Вчера еще мы воспринимали космос как суровое и холодное поприще, край аскетического мужества первопроходцев, место неудобной мужской вахты. Таким, наверное, был бы весь мир, если бы его не касались руки женщин.

Сегодня космос иной. В нем побывала девушка — русоволосая, голубглазая, любящая Чайковского и духи «Красная Москва», — и после ее посеще-

ния космос как будто стал теплее, желаннее, дороже. О полете женщины в газетах печаталось небывало много стихов. Она взлетела в скафандре, на груди которого был вышит голубь в лучах солнца, ее полет словно напомнил, что человек отрывается от своей колыбели-Земли, чтобы и во Вселенную нести очаги жизни, тепло уюта, радость любви — все то, чем стоит дорожить, что защищаем мы на Земле от смертельной угрозы ядерного уничтожения.

Западная военщина зарится и космическое пространство использовать как военный плацдарм. Первая в мире женщина поднялась на внеземную орбиту, чтобы на всю планету бросить призыв к миру.

Она получила самую высокую трибуну, которую только можно вообразить.

Вит. МОЕВ
Фото ТАСС.

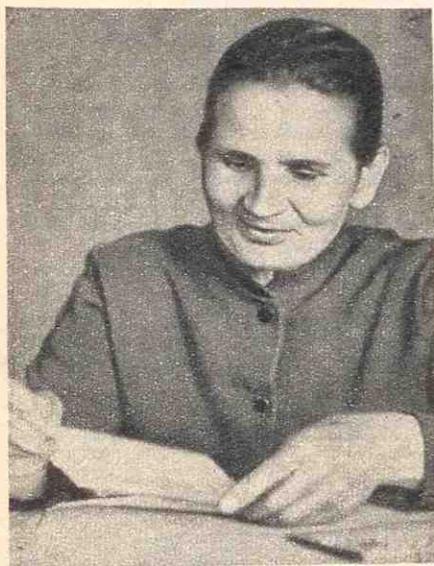
НАША

ЧАЙКА

И снова, уже в который раз, мир рукоплещет нам, Стране Советов, и вновь восхищается «русским чудом»!

«16 июня 1963 года в 12 часов 30 минут по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток-6», впервые в мире пилотируемый женщиной...»

Так у пяти небесных братьев появилась сестра. А люди всей планеты спешат развернуть газеты, спешат распросить друзей, окликнуть прохожих.

«Мамочка, не волнуйся за меня...» — так из космоса успокаивала Валя Елену Федоровну Терешкову.

— Какая она, Валя?!

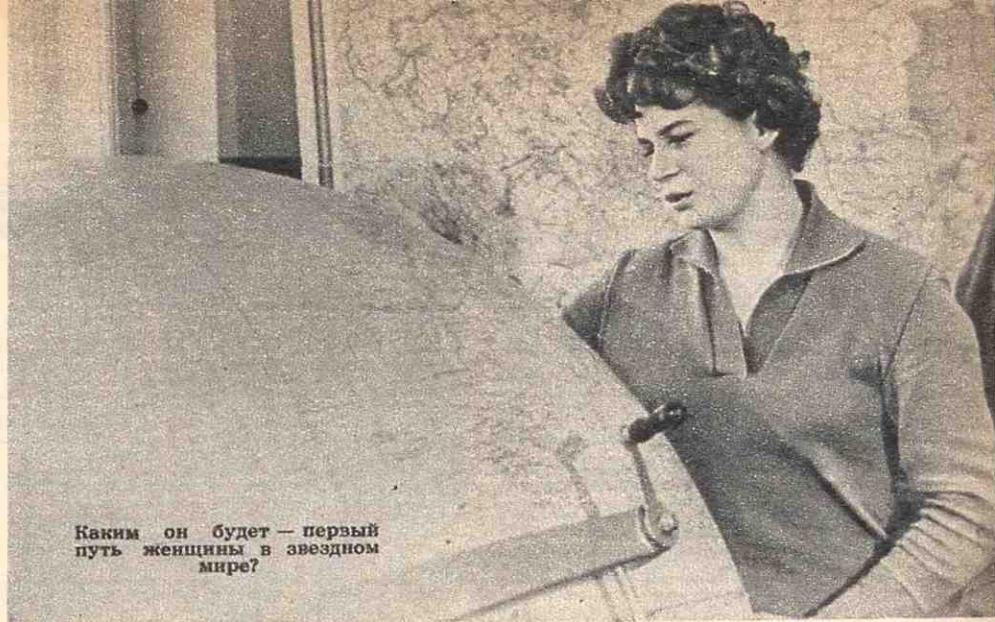
И вот уже молва несет по миру лаконичные и емкие сведения из ее биографии. «Ей всего двадцать шесть... Работница-текстильщица и парашютистка... Воспитанница комсомола... Молодой член партии...»

Она, Валя, Валентина Владимировна Терешкова, наверно, не обманывает ничьих ожиданий.

— Умница! — говорят, узнав ее биографию.

— Красавица! — восхищаются, глядя на ее портрет.

Это мысли тех, кто с нетерпением ждал Валиного взлета, кто в глубине

Каким он будет — первый путь женщины в звездном мире?

души не сомневался, что первой женщиной космоса будет русская, советская.

Но эти мысли не чужды и тем, кто хотел бы, да не в силах помешать нашему триумфу.

«Мисс Вселенная» — окрестили они Валию.

Что ж, это тоже победа: даже мир настроенных против нас не может умолчать о нашей Вале.

Отцу Вали, Владимиру Аксеновичу, бывшему колхозному трактористу, погибшему на фронте в борьбе с фашизмом, этот титул, присвоенный дочери, может быть, и не пришелся бы по душе. Да и нам трудно связать его с обликом Вали.

Вали — из деревни Масленниково, в ста километрах от Ярославля, девочкой, которая росла озорной непоседой, «мальчишницей». По словам матери, Елены Федоровны, «летом наперед всех мальчишек с железного моста в реку сигала...»

Вали, с детства знавшей цену человеческому труду. С 17 лет она сама стала работницей, поступила на Ярославский шинный завод, потом перешла на комбинат «Красный Перекоп».

О Вале говорят: «Есть такие люди. Работать начнут — у всех руки чешутся взяться за дело». Она такая!

До сих пор основным в буржуазном мире для обладания титулом первой женщины было умение грациозно пройти и повернуться, красиво улыбнуться, умело раскланяться.

Наша Валя, может быть, еще изящней и грациозней любой из королев красоты. Но в ней это не нарочито, не напоказ. В ней все естественно и потому удивительно! «Дети росли в самое лихое время, — вспоминает Елена Федоровна, — не знаю, как и выросли. Откуда здоровье взялось?..» А взялось не одно здоровье...

Она еще и комсомольский вожак, и неугомонная заводила, и застрельщица походов, молодежных вечеров, диспутов. Она и парашютистка и студентка-заочница.

По-новому — облагороженно, приподнято зазвучал привычный титул «мисс...», потому что наша Валя совершила ни с чем не сравнимый подвиг. И простые люди мира прекрасно понимают это.

Недаром день Валиного взлета они хотят считать новым международным праздником женщины, праздником женского самоутверждения, равноправия, женского достоинства.

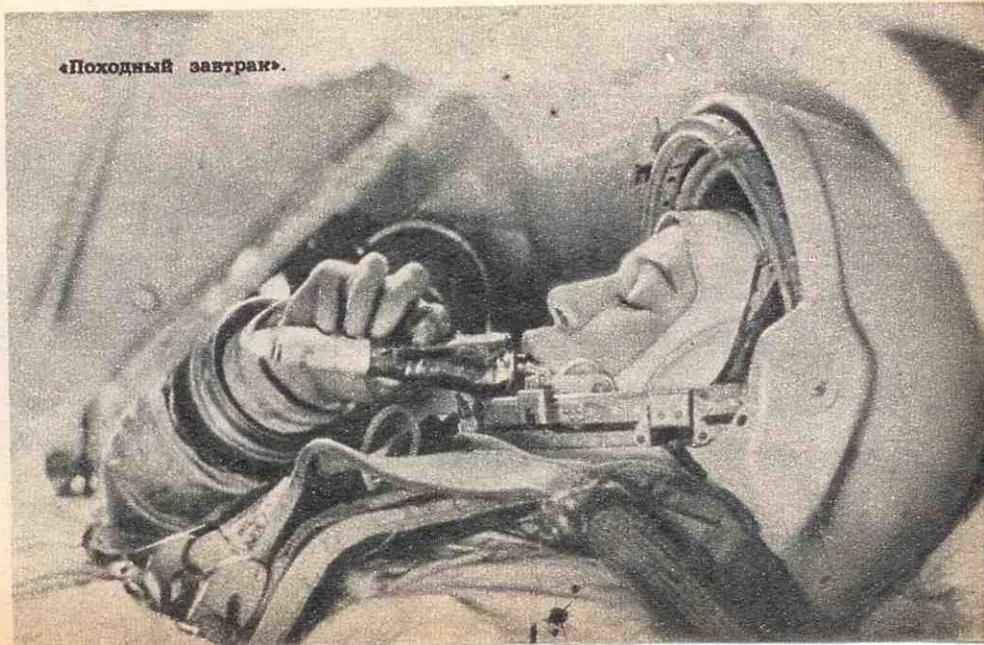
Разными именами наделяют сейчас нашу Валию. Некоторые из них забудутся. Но навсегда мир запомнит ее позывной — «Чайка». Ведь он говорит так о многом — о женственности и бесстрашии, о твердости и веселом, ласковом обаянии.

Такая и есть наша Валя.

Ю. ИВАНОВА

Фото С. БАРАНОВА
и ТАСС.

«Походный завтрак».

ИДЕАЛАМ КОММУНИЗМА — КРЕПНУТЬ!

В те самые дни, когда люди всей планеты с волнением следили за полетом Валентины Терешковой и Валерия Быковского, а затем горячо поздравляли наших дорогих соотечественников с успешным окончанием их беспримерного рейда в просторы Вселенной, в Большом Кремлевском дворце шли заседания Пленума Центрального Комитета КПСС, обсуждавшего очередные задачи идеологической работы партии.

«Этот дерзновенный полет советских людей в космос,— говорится в обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и правительства Советского Союза по поводу блестящего завершения еще одной грандиозной космической эпопеи,— как и все предыдущие полеты, представляет собой живое воплощение титанической силы, таланта и гения советского народа, яркую демонстрацию преимуществ советского социалистического общественного строя.

Наш народ строит коммунизм. Сколько напряженных усилий, героических свершений, творческого горения требует достижение этой вдохновенной цели! Мы знаем: коммунизм — это не только изобилие материальных и духовных благ, счастливая и обеспеченная жизнь всех тружеников. Коммунизм — это высокая сознательность, глубокая идейная убежденность всех членов общества. Поэтому партия считает идеологический фронт одним из важнейших в борьбе за коммунизм, в неразрывном единстве решает вопросы организаторской и идеологической работы. «История нашей партии — живое воплощение ленинской заботы об идейной вооруженности народных масс, строителей социализма и коммунизма, о постоянном совершенствовании нашего идеологического оружия,— говорил в докладе на Пленуме секретарь ЦК КПСС Л. Ф. Ильичев.— Без глубокой и разносторонней идеологической работы партии невозможны были бы выдающиеся победы советского народа. Великий героизм рождается лишь великими идеями, любимые задачи по плечу народу, когда он решает их сознательно».

За годы Советской власти много поистине сказочных перемен произошло в нашей стране. Но социализм произвел глубочайшие изменения не только в экономике и географии нашего государства. Главное — изменились и выросли сами люди, строители нового мира.

На заре своей революционной деятельности Карл Маркс писал о рабочих, прикнувших к социалистическому движению: «Человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с заглубленных от труда лиц глядит на нас вся красота человечества».

Всмотримся в наших современников, советских тружеников, прокладывающих путь к коммунизму. Какой духовной красотой светятся их волевые, умные и радостные лица!

Новый, советский человек появился на свет в огне социалистической революции и гражданской войны и сразу же изумил мир непревзойденным мужеством, стойкостью, верностью идеям Ленина, готовностью отдать все силы и, если понадобится, жизнь своему пролетарскому Отечеству. Этот человек высокого долга мужал на стройках «Ростсельмаша» и «Днепрогэса», «Азовстали» и Волгоградского тракторного, забавлялся в сражениях Великой Отечественной войны. А ныне он строит коммунизм и везде — там, где варят сталь, выдают на-гора уголь, где решается судьба урожая, — показывает пример трудовой доблести.

В мире идет острая, непримиримая борьба между коммунистической и буржуазной идеологиями, борьба за умы и сердца людей, и в ней не может быть никаких перемирий или компромиссов. В этой не утихающей ни на минуту «войне идей» лагерь империализма не брезгает никакими средствами. Его лазутчики пытаются найти щели, чтобы пробраться в идеологическую крепость советских людей, хотя нарушить наше морально-политическое единство, подорвать нашу непоколебимую уверенность в правоте великого дела Ленина.

В своих идеологических диверсиях против социалистических стран империалисты делают ставку на пережитки прошлого в сознании людей. Трубадуры капитализма пытаются доказать, что никакой общественный строй не может преодолеть и выкорчевать из сознания людей привычки, обычаи, взгляды, воспитывавшиеся столетиями. Они утверждают, что ничто не в силах изменить «природу» человека, свойственные ему «вечные» инстинкты: стремление к обладанию частной собственностью, жадность и т. д.

Но грандиозные успехи нашей страны в развитии экономики, науки и культуры, расцвет демократии и человеческой личности наглядно опровергают досужие домыслы идеологов империализма. Крепка и уверенна поступь нашего народа к коммунизму. Но в ногах у честных советских тружеников, творцов и созидателей путается ничтожная кучка паразитов — спекулянтов, воров, хулиганов, тунеядцев. Они пытаются жить за счет общества, попирают наши законы и мораль, отравляют жизнь людям. Партия и народ объявляют им беспощадную борьбу, ибо эти отщепенцы — последнее прибежище чуждой нам буржуазной идеологии и морали на советской земле.

Партия призывает всех советских людей дать решительный бой этой идеологии. Пленум Центрального Комитета подчеркнул: мы вышли на такие исторические рубежи, когда задача полного преодоления пережитков капитализма в сознании людей приобретает самое неотложное, непосредственно практическое значение. Удар по этим пережиткам — прямой удар по буржуазной идеологии.

Главное в идеологической работе — обеспечить победу идеалов коммунизма. Партия видит в этой работе мощный ускоритель коммунистического переустройства мира. Борьба за коммунистическое воспитание людей не самоцель, а могучее средство успешного решения грандиозных задач нашего хозяйственного строительства, создание материально-технической базы коммунизма.

Земля красна человеком, а человек велик трудом — гласит народная мудрость. Очень важно, чтобы все советские люди осознали значимость и красоту своего труда. Воспитание любви и уважения к труду на благо общества, трудовая закалка людей, особенно молодежи, — вот сердцевина, становой хребет идеологической работы, говорит партия. Лучшая школа воспитания нового человека — труд и борьба народа.

Человек с новым мировоззрением, с новой моралью формируется в коллективе. Коллективизм, прочно утвердившийся на советской земле, — замечательная коммунистическая черта нашей жизни. Человек заботится у нас о коллективе, а коллектив — о человеке. Коммунистическое отношение к труду и общественной собственности — важнейшее проявление коллективизма советских людей, основы воспитания новых отношений между ними.

Мы гуманисты, человеколюбцы. Но мы должны нетерпимо относиться к частнособственническим пережиткам, к эгоизму, стремлению отдельных граждан нашего государства урвать у общества побольше, а дать ему поменьше. Всеми средствами идеологической работы надо воспитывать в строителях коммунизма общественное сознание, понимание, что «я», «ты», «он», «мы» принадлежим народу, что наше сердце, ум, руки служат всему коллективу. А значит, надо работать по совести, дорожить рабочей честью и гордостью, подобно Н. Г. Загладе, И. Д. Леонову и миллионам других честных тружеников нашей Родины.

«Коммунизм — это молодость мира, и его возводить молодым», — писал В. Маяковский. Партия уделяет особое внимание воспитанию молодого поколения, которому предстоит построить коммунизм, жить при коммунизме.

Июньский Пленум ЦК КПСС — важное событие в жизни партии и народа. Он рассмотрел назревшие вопросы идеологической работы партии в период развернутого строительства коммунистического общества. Решения Пленума — последовательное продолжение той неустанной творческой работы, которую ведет ленинский Центральный Комитет, выполняя волю партийных съездов, широких масс трудящихся. Следуя ленинским курсом, наша партия поставила перед партийными и советскими организациями задачу — поднять всю идеологическую работу на уровень современных требований жизни.

Партия требует привести в боевой порядок все виды идейного оружия, массовые средства идейного влияния — печать и радио, кино и телевидение, укрепить связь литературы и искусства с жизнью, шире использовать их воспитательную роль. Партия призывает неустанно совершенствовать систему политического просвещения, пропаганду марксизма-ленинизма, наступать на всех участках идеологического фронта!

Советский народ горячо одобряет решения Пленума. В руководстве ленинской партии видит он залог полной победы коммунизма.

К. ВАЧНАДЗЕ

ТАГИЛЬСКАЯ

Семья черных металлов невелика: чугун да сталь. Основа обоих — железо. Чугун — это железо, содержащее разные примеси, главным образом углерод, который придает металлу хрупкость. Уронишь чугунную сковороду на пол — она лопнет. Сталь — тоже железо, но с небольшим количеством углерода, поэтому она прочна. Если из чугуна удалить примеси, особенно избыточный углерод, чугун превратится в сталь. Вот это и происходит в мартеновской печи.

Производство стали — важнейший показатель экономики страны. В 1980 году, как записано в Программе КПСС, выплавка стали достигнет 250 миллионов тонн.

Сейчас мы выплавляем меньше половины этого количества. Как же справиться с такой грандиозной задачей? Строить множество дорогостоящих мартенов? Да и мартеновские печи работают крайне медленно, «с леньдой»: выплавка стали длится полсутки. Нет, наука подсказала другой путь, более выгодный.

Еще до возникновения мартена — он был изобретен сто лет назад — углерод удаляли из чугуна в другой печи, называемой конвертором.

Конвертор — печь попроще, ее легче построить, стоит она дешевле. Она — полой, изнутри выложенный огнеупорными кирпичами котел, напоминающий по своей форме гигантскую грушу. Сверху через горловину в нее льют доставленный из доменных расплавленный чугун. Снизу через металл продувают воздух.

Самое главное преимущество конвертора в том, что превращение чугуна в сталь совершается в нем за каких-нибудь тридцать — сорок минут, в десятки раз быстрее, чем в мартене! Кроме того, конвертор не тратит ни грамма топлива, обходясь «углем», который находится внутри чугуна. Это тот самый углерод, о котором мы уже говорили. Кстати говоря, уголь целиком состоит из углерода. Горят и другие примеси в чугуне — кремний, марганец. Поэтому, когда через расплавленный чугун проходит воздух, примеси металла, воспламеняясь, сгорают. Так чугун становится сталью.

Металлурги никогда бы не отказались от конвертора, но ему, к сожалению, свойственны крайне серьезные недостатки. Прежде всего сгорают далеко не все примеси в чугуне, остаются, например, сера, фосфор. И еще: в металле появляется новая примесь — азот. Откуда он взялся?

В воздухе мало необходимого для горения кислорода — одна пятая часть. Остальное — азот, который металлурги презрительно окрестили «паразитом». Этот газ, проникая в металл, снижает его качество.

Мартен давал высококачественную сталь, лишенную вредных примесей, и он вытеснил конвертор, завоевал пер-

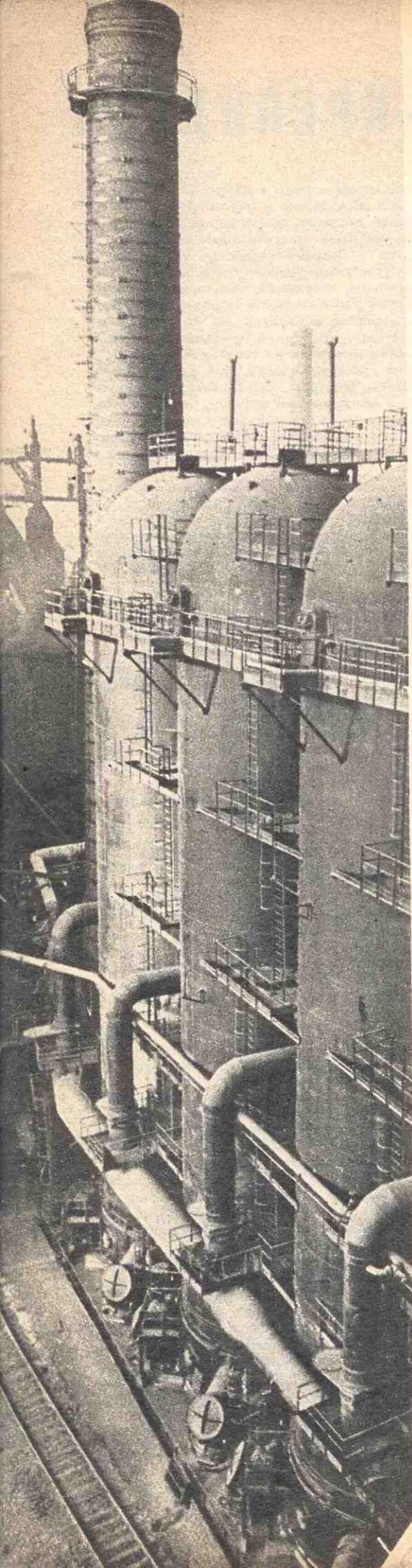
венство. Ведь без хорошего металла не построить доброй машины, станка. Но хотя конвертор ушел в отставку, инженеры в глубине души верили, что он обязательно вернется на производство, но уже на другой, более совершенной основе.

Что же нужно для конвертора? Не воздух, а чистый кислород, чтобы в металл не проник азот. Это стало возможным только в наше время, когда промышленность освоила производство кислорода.

Усовершенствованию подвергся и сам конвертор. Но, не останавливаясь на описании всего этого долгого труда советских ученых, расскажем лишь одно: как удалось из чугуна «выудить» все без исключения вредные примеси, особенно такие, как сера и фосфор. В конверторе они не выгорают даже при продувке кислородом, оставаясь невредимыми в толще металла. Вот тут-то ученые и обратились к распространенным веществам: извести, бокситам, плавиковому шпату, которые обладают магическим свойством «притягивать» к себе фосфор, серу и удерживать их. Эти вещества загружают в конвертор, они, расплавляясь, всплывают в виде накипи. Металл, продуваемый кислородом, кипит, бурлит, непрерывно перемешивается. И когда из глубин металла «выплескиваются» частицы серы, фосфора, то они накрепко прилипают к этой накипи, которую в металлургии называют шлаком. Так шлак выступает в роли чистильщика металла от всего того, что его портит. А когда сталь готова, шлак сливают.

Если бы года полтора-два назад вы оказались в старинном уральском городе Нижнем Тагиле, городе металлургов и машиностроителей, где соприкасаются вчерашний и сегодняшний день — здесь первый металлургический завод возник еще в позапрошлом веке, — если бы вы оказались в Нижнем Тагиле, то не заметили бы еще никаких следов стройки, развернувшейся в последние месяцы. Здесь за короткий срок на одном из крупнейших металлургических гигантов страны, Нижне-Тагильском комбинате имени Ленина, был построен новый цех, который привлек внимание всего мира.

Правда, слово «цех» не очень-то подходит к этой сложнейшей группе сооружений, занимающей гигантскую площадь в пятьдесят гектаров. На двенадцатизатяжную высоту взметнулись ажурные конструкции зданий, где установлены два огромных конвертора, вмещающие по сто тонн металла. Тут же находятся резервуары для расплавленного чугуна, который в колоссальных ковшах привозят из доменных печей; они работают рядом, на том же металлургическом комбинате. И, наконец, «сердце» сооружений: станция — поставщица кис-

СТАЛЬ

лорода, продувающего металл. Так что вернее этот цех назвать «заводом в заводе»; по своим масштабам он не имеет равного в мировой металлургии. Инженеры зовут его несколько иначе: кислородно-конверторным комплексом.

Но дело, конечно, не в том, как окрестить новое производство. Появление нового способа выплавки стали — это техническая революция в металлургии. Ведь качество металла остается таким же, что и в мартене. Но устраняются все недостатки, которые были характерны и для мартена и для продуваемого воздухом конвертора.

Чтобы представить себе, какую колоссальную пользу принесет новый способ, следует иметь в виду, что мартен, вмещающий 500 тонн металла, за год выплавляет 400 тысяч тонн стали. А конвертор, вмещающий 100 тонн — в пять раз меньше! — дает почти вдвое больше стали: 700—750 тысяч тонн в год. Выходит, что он один заменяет два крупнейших мартена. Вот что значит скорость плавки!

Нет, неспроста взоры металлургов прикованы к Нижнему Тагилу. Здесь производительность труда возрастает на 60 процентов, а себестоимость металла значительно снижается. Мартен, безраздельно господствующий в металлургии, вынужден будет сдать свои позиции.

В недавнем прошлом были построены небольшие конверторы, вмещающие примерно по 50 тонн металла. Каждый из них дает около 450 тысяч тонн стали в год — это больше, чем производит за год мартен-гигант емкостью 600 тонн!

На XXII съезде КПСС были приведены интереснейшие расчеты. Оказывается, при выплавке одного миллиона тонн стали в конверторах экономия достигает 7 миллионов рублей. Семь миллионов рублей только на одном миллионе тонн стали! Экономия, полученная в течение одного лишь года, настолько велика, что можно на эти средства выстроить целый город. Такова цена перехода от одного способа производства к другому, более совершенному! Значит, наша страна может гигантски увеличить производство стали, затрачивая на это гораздо меньше средств. Так будет решена важнейшая задача, поставленная партией.

Если глаз читателя привык к тому, что в газетах время от времени появлялись информации о пуске новых мартенов, то ныне будут появляться в печати сообщения о новых мощных кислородно-конверторных цехах. До конца семилетки их будет восемь. «Флагман», открывающий им свободное «плавание» в жизнь, — в Нижнем Тагиле.

В. ВЛАДИМИРОВ,
Я. КОРШ

г. Свердловск.

С. ТРЕГУБ

ПОЭТИЧЕСКИЙ ЗНАМЕНОСЕЦ ОКТАБРЯ

(К 70-летию со дня рождения

В. В. МАЯКОВСКОГО)

Кто не знает произведений Владимира Владимировича Маяковского! Он с нами со школьной скамьи. Да, пожалуй, еще раньше. Его «Конь-огонь», «Что такое хорошо и что такое плохо?», «Эта книжечка моя про моря и про маяк» мы слышали еще в раннем детстве, когда и грамоты не знали.

В школе мы всем сердцем восприняли «Стихи о советском паспорте», «Товарищу Нетте — пароходу и человеку», «Рассказ литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру». А «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», «Юбилейное», «Разговор с товарищем Лениным», стихи об Америке... Нам открылись вдохновенные и величественные поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!»... Да разве все перечислишь!

...Стихи стоят

свинцово-тяжело,
готовые и к смерти
и к бессмертной славе.

Поэмы замерли,
к жерлу прижав жерло
нацеленных,
зияющих заглавий.

Оружия
любимейшего
род,

готовая
рвануться в гике,
застыла
кавалерия острот,
поднявши рифм
отточенные пики.

Литературное наследство Маяковского — это тринадцать толстых томов. В один из них вместились все его дореволюционные работы. В остальных двенадцати — его стихи, поэмы, пьесы, сценарии, очерки, статьи, написанные после 1917 года.

Когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, Маяковский был еще очень молод. Но он был уже известным поэтом. А. М. Горький предсказал ему большое будущее. Его буквально потрясли поэмы Маяковского «Облако в штанах» и «Флейта-позвоночник». Вот свидетельство очевидца:

«...Алексей Максимович последнее время носится с Вл. Маяковским. Он его считает талантливейшим, крупнейшим поэтом».

В горьковском журнале «Летопись» должна была появиться одна из частей новой поэмы Маяковского «Человек». Ее, однако, запретила царская цензура.

Трудно приходилось в ту пору молодому поэту. Мать Маяковского Александра Алексеевна вспоминала:

«Володя часто выступал на литературных вечерах. Буржуазная, богатая публика возмущалась его выступлениями. Она нападала на поэта, ругала его. Но он не оставался в долгу, остроумно и резко отвечал ей или читал свои стихи, направленные против буржуазии».

Демократическая молодежь, сидящая на галерке, относилась к поэту с большим доверием и интересом, чувствуя в его стихах призыв к разрушению старого общества.

В первом ряду обычно сидела полиция с полицеймейстером во главе, но они не всегда понимали, что серьезно и что шутка.

На мой вопрос, почему он пишет так, что не все понятно, Володя ответил:

— Если я буду писать все ясно, то мне жить не в Москве, а где-нибудь в сибирской ссылке, в Туруханске. За мной следят, и я же не могу сказать открыто: «Долой самодержавие!»

Но то, что нельзя было тогда говорить открыто, все же звучало в его стихах.

...в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год,—

писал Маяковский в поэме «Облако в штанах», содержание которой он определил как четыре крика четырех частей: «долой вашу любовь», «долой ваше искусство», «долой ваш строй», «долой вашу религию».

Об Октябрьской революции Маяковский сказал: «Моя революция». Он, как и миллионы трудящихся нашей страны, впервые почувствовал себя хозяином новой жизни, которую нужно было строить и защищать.

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден...

Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая —
на сажень вижу
из-под нее
коммуны
дома
прорастают,—

писал Маяковский в поэме «Хорошо!», посвященной десятилетию советской революции.

Он поэт великой коммунистической идеи. Она питала его «громаду любовь» и «громаду ненависть». Она всегда вела его на передний край борьбы.

Маяковский вооружал народ, сражавшийся с врагами революции, огненным, разящим словом, выразительным призывным плакатом. Он отдавал «приказы по армиям искусств», создавал первую советскую пьесу, снимался в кино, писал для детей, сотрудничал в десятках газет и журналов, ездил по стране со стихами и докладами. В цирке ставилась его пан-

томима, на товарах красовались его броские рекламы, на улицах звучали его боевые марши. Он возглавлял революционную поэзию, редактировал журнал, устанавливал связь с зарубежной передовой литературой, бороздил моря и океаны. В живые формы искусства облекал он советскую действительность. Революция, гений Ленина, мудрость и воля Коммунистической партии, гражданская война, мирное строительство, комсомольцы и пионеры, будущее Отчизны — все это стало плотью и кровью его творчества. Он этим жил. Он был не сторонним наблюдателем, а активным участником событий. И потому-то все «общее», касающееся всего народа, эпическое, так сказать, становилось его «частным», личным, лирическим.

Это было
с бойцами
или страной,
или
в сердце
было
в моем.

Маяковский, как я уже заметил, сказал о нашей революции: «Моя революция». В поэме «Хорошо!» он писал о Москве: «Улица — моя. Дома — мои», «Стала оперяться моя кооперация», «...в моем автомобиле мои депутаты», «Сидите, не совете в моем Моссовете», «Моя милиция меня бережет». И, наконец: «...мой труд вливается в труд моей республики».

Это характерно для творчества Маяковского и принципиально весьма важно. В нем органически сливалось «мы» и «я». Радости и беды страны были его радостями и бедами. Все проходило через его, поэта, сердце. И это делало его гражданские стихи лирическими, а его лирику общественно значимой, гражданской.

Политика Советского государства, являющаяся основой деятельности нашего народа, стала идейной основой творчества Маяковского.

Что значило «строить и мечь»?

В. И. Ленин писал летом 1919 года в статье «Великий почин» по поводу «коммунистических субботников»:

«Поменьше политической трескотни, побольше внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам коммунистического строительства — этот лозунг надо неустанно повторять всем нам, нашим писателям, агитаторам, пропагандистам, организаторам и так далее».

В полном соответствии с этим призывом Владимира Ильича находят образные строки Маяковского:

Надо
в каждой пылинке
будить уметь
большевистского пафоса медь.

Пафос простых, будничных и вместе с тем необыкновенных фактов коммунистического строительства стал пафосом поэзии Маяковского.

Маяковский чувствовал себя «советским заводом, вырабатывающим счастье». И его крылатый стих нес радость людям, вел их на труд и на подвиг. Он будоражил, открывал горизонты, вселял веру, молодил душу.

Мы
в сотню солнц
воспламеним
мартенами
Сибирь.

Поэт приближал к людям это фантастическое, казалось бы, будущее, помогал его осознать, помогал стать с ним вровень.

Нужно было не только строить, но и «мечь», то есть очищать «строительную площадку» от разного рода мусора. И Маяковский выполнял тяжелую и малоприятную работу — помогал обществу очищаться от грязи прошлого, от пережитков капитализма.

Мы знаем не только добрую и ироническую улыбку Маяковского, но и его сатирический смех, издевку. Словами-бичами обрушивался он на хапуг, бюрократов, туеядцев, хулиганов, пьяниц, шовинистов, ханжей, подхалимов, вельмож, пошляков. Им посвятил он десятки стихов и сатирические пьесы «Клоп», «Баня».

Маяковский понимал историческую роль нашей страны, идущей в авангарде всего трудящегося человечества, и поэтому так высоко, с таким чувством превосходства нес свой «молотастый, серпастый советский паспорт». Его патриотизм неотделим от его интернационализма. Своими стихами он «брался» с рабочими людьми разных стран. Но какими ненавидящими, проклинающими и убивающими словами разговаривал он с нашими врагами! Слова поэта рвались, как крупнокалиберные снаряды, как тяжелые бомбы. Прочтите его «Сволочи!», «Речь на Генуэзской конференции», «На западе все спокойно».

Находясь в Гаване, Маяковский обратил внимание на то, что «...одна сторона — разэкзотическая. На фоне зеленого моря черный негр в белых штанах продает пунцовую рыбу, подымая ее за хвост над собственной головой. Другая сторона — мировые табачные и сахарные лимитеды с десятками тысяч негров, испанцев и русских рабочих».

А в центре богатства — американский клуб, десятиэтажный Форд, Клей и Бок — первые ощутимые признаки владычества Соединенных Штатов над всеми тремя — над Северной, Южной и Центральной Америкой».

Если
Гавану
окинуть мигом,
рай-страна,
страна что надо.

Но не о том стихи. Негр Вилли не мирится с мыслью, что «белый ест ананас спелый, черный — гнилью моченый. Белую работу делает белый, черную работу — черный». В нем пробуждается классовое сознание. И он задает такие вопросы «величайшему из сахарных королей», которые бросают того в дрожь: «Король из белого становится желт».

Многое с тех пор изменилось в мире. Наша страна принимала недавно дорогого гостя — народного героя свободной Кубы Фиделя Кастро. И нам приятно вспоминать, что еще около сорока лет назад «полпред советского стиха» Маяковский написал «Блэк энд уайт» («Черное и белое»), в котором не только выразил душевное сочувствие Вилли, но и дружески посоветовал ему «обращаться... в Москву».

Маяковский был в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте... Он ехал в так называемый «Новый свет», а приехал в оставленное Россией далеко позади капиталистическое общество. Едко и метко им сказано:

Я стремился
за 7 000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.

Он стер «демократические» румяна и белила с американской статуи Свободы и показал в истинном свете хозяина жизни — «капитал — его препона», классовый, расовый и национальный гнет, гниль культуры, уродство быта, нравов.

Его «открытие Америки» состояло не только в том, что он познал сущность Америки рокфеллеров, вандерлипов, фордов, свиных, консервных, сахарных, сигарных и прочих королей, но и в том, что он открывал и другую, действительно новую Америку — борющихся прогрессивных сил, страну Уильяма Фостера, Юджина Денниса, Поля Робсона...

Маяковский привел слова одного из первых повешенных в Чикаго революционеров, высеченные на братской могиле: «Придет день, когда наше молчание будет иметь больше силы, чем наши голоса, которые вы сейчас заглушаете».

Он свято верил в это. И одновременно в предчувствии далекой схватки предостерегал: «Может статься, что Соединенные Штаты сообщила стану последними вооруженными защитниками безнадежного буржуазного дела...»

Как все это современно, злободневно! Напрасно иные поэты думают, что стихи Маяковского о заграничии устарели. Они и теперь непревзойденные образцы, которыми можно и нужно следовать.

Творчество Маяковского глубоко партийно и глубоко народно. Оно поэтически наиболее полно и зрело выражает советскую коммунистическую сущность.

Семидесятилетие со дня его рождения — лишь веха на пути его бессмертия. Он — гениальный преемник и наследник Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Это поистине великий и отнюдь не тихий поэтический океан.

При жизни поэта находились люди, которые приставали к нему с иронически-злым вопросом:

— Долго ли проживут ваши стихи?

Маяковский спокойно отвечал:

— Они будут жить вечно. Великая Октябрьская революция будет жить вечно, а я — ее поэт.

И он был прав!

Маяковский — поэтический знаменосец Октября. Он не только писал о революции, но и жил ею, помогал ей распространяться вширь и вглубь. В самое тяжелое для нашей страны время он видел «солнечный край» коммуны и славил его. Борьба за коммунизм — таков пафос его творчества. «Коммунистическое далеко», о котором писал поэт, стало близким. Оно, как говорится, не за горами. С каждым новым днем мы приближаемся к заветной цели. С нами Маяковский. С нами его вечно живое, вдохновенное слово.

Памятник В. В. Маяковскому в центре Москвы, на площади, носящей имя поэта.

Фото В. ГОРТИНСКОГО.

Герой Социалистического Труда Евдокия Дмитриевна Ильченко — бригадир по откорму крупного рогатого скота колхоза имени Щорса, Черкасской области. Ее бригада по праву считается одной из лучших в области. 410 тонн привеса получили животноводы в прошлом году от 2 588 голов.

Фото С. КАРАСЕВА.

БОЛЬШЕВИКИ

II съезд РСДРП имеет особое значение: на нем фактически возникла наша ленинская партия. Это событие было настолько важным, что послужило поворотным пунктом в судьбах не только российского, но и всего мирового революционного движения.

«Как мечтал об этом съезде Владимир Ильич!» — эти слова Крупской напоминают не только о том, как страстно ждал этого съезда Ленин, но и о том, каких невероятных, поистине титанических усилий стоило ему претворить эту мечту в действительность.

В 1898 году I съезд провозгласил образование РСДРП, но партия, как единая централизованная организация, не была создана. Ее центральные руководящие органы были разгромлены сразу же после съезда. Российская социал-демократия представляла собой, по печальному признанию самого Ленина, «рассыпанную храмину»: распыленными и разрозненными остались кружки и группы, ржавчина «экономизма» подтачивала и разъедала социал-демократическое движение.

В этой тяжелой обстановке великий Ленин разработал программные, тактические и организационные принципы партии нового типа, партии боевой, способной повести рабочий класс, всех трудящихся России на штурм прогнившего царского самодержавия и капиталистического строя, поднять их на борьбу за установление диктатуры пролетариата и победу коммунизма. Идейным и организационным центром строительства партии стала созданная Лениным нелегальная газета «Искра».

Ленин сплотил вокруг «Искры» ядро профессиональных революционеров, людей, посвятивших себя целиком делу партии, служению народу.

В напряженной и упорной борьбе, продолжавшейся несколько лет, Ленин и горсточка его соратников собрали разрозненные силы партии, объединили их под знаменем «Искры» и добились наконец возможности созвать съезд.

И вот долгожданный съезд открылся. Из-за преследований царизма он не мог собраться в России, а проходил на чужбине. Но он и там работал нелегально, сначала в Брюсселе, а затем в Лондоне.

Открытие этого исторического съезда состоялось в обстановке отнюдь не торжественной. Его первое заседание проходило в мрачном помещении какого-то громадного склада. Делегаты сидели на необструганных досках. Единственным украшением этого «зала» было красное полотнище, которым занавесили окно около наспех сколоченной трибуны.

Однако унылой была лишь внешняя обстановка. Глубокое волнение на ли-

цах собравшихся говорило об особой значительности переживаемого момента. «...Начало было очень торжественное,— вспоминает делегат Лядов.— Мы, съехавшиеся с мест, сразу почувствовали, что совершается в истории нашей партии что-то очень большое».

На съезд прибыли 59 делегатов с решающим и совещательным голосом. Теперь, когда на съезды нашей многомиллионной партии съезжаются тысячи делегатов — припомним, что на XXII съезде КПСС их было 4813,— кое-кому может показаться, что съезд был малочисленным. Между тем это был большой и очень представительный съезд революционеров: на I съезде присутствовали лишь 9 делегатов.

Большинство голосов на II съезде принадлежало делегатам-«искровцам»: 33 из 51 решающего. Но были и открытые противники «Искры», имевшие 8 голосов. Остальные 10 принадлежали делегатам, которых Ленин прозвал «болотом» за их непрерывные колебания между «искровцами» и противниками «Искры». Но и не все «искровцы» были последовательными: 9 голосов принадлежали неустойчивым, так называемым «мягким», «искровцам». Вот почему съезд стал ареной ожесточенной борьбы.

Вопреки сопротивлению оппортунистов съезд принял революционную Программу партии, в центре которой стояла борьба за диктатуру пролетариата. Такого пункта в своей программе не имела ни одна социалистическая партия какой бы то ни было другой страны.

Принятие первой Программы партии явилось актом громадной исторической важности. Неустанная борьба нашей партии за выполнение этой Программы привела к победе Великой Октябрьской социалистической революции.

При обсуждении второго важнейшего партийного документа — Устава партии — открыто обнаружился раскол внутри «искровцев». Спор возник по параграфу первому Устава, определяющему понятие члена партии. Ленин требовал, чтобы член партии обязательно входил в одну из организаций партии. Противники Ленина считали это вовсе не обязательным для члена партии. В сущности, они восставали против самого типа построения партии, как единой, строго централизованной организации, проникнутой железной дисциплиной. Ленин же настаивал на том, чтобы «охранять твердость, выдержанность, чистоту нашей партии».

Большинством съезда была принята формулировка оппортунистической части. На съезде возник, таким образом, блок оппортунистов всех оттенков, и это необычайно обострило борь-

бу. Последовательные «искровцы» еще теснее сплотились вокруг Ленина. Ленин к оппортунистам был так непримирим, что наиболее махровые из них были вынуждены уйти со съезда, открыто объявив о своем разрыве с партией.

Своим голосованием по вопросу о составе центральных учреждений партии съезд закрепил победу ленинских принципов, победу ленинско-искровского большинства.

Отсюда и происхождение наименования «большевики». Рожденное в боях II съезда, слово «большевик» вошло во все языки мира в своем изначальном русском звучании, и оно стало равнозначным великому понятию «коммунист». Дорогим и близким оно стало народу, и в просторечии наша Коммунистическая партия называлась многие годы партией большевиков.

В эти дни шестидесятилетия II съезда наша мысль снова и снова обращается к образу тех, кто, сплотившись на съезде вокруг Ленина, явился первым в истории носителем героического звания «большевик». К нашему прискорбию, уже теперь никого из них нет в живых. Но тогда почти все они были еще совсем молодыми людьми, едва достигшими тридцатилетнего возраста. А рабочему Шотману, делегату от Петербургского комитета, было всего лишь 23 года. И очень знаменательно, что цвет революционной молодежи сплотился вокруг Ленина. Да и самому Ленину было тогда только 33 года.

Примечательно и другое: будучи молодыми, эти люди уже были закаленными революционерами, имевшими за своими плечами годы революционной борьбы, тюрем и ссылки. Ярчайшим примером этого может служить героическая жизнь большевистского делегата Николая Эрнестовича Баумана. В ту пору ему было 30 лет, но в революционном социал-демократическом движении он активно участвовал с 17 лет. Н. Э. Бауман однажды метко заметил, что нередко человек только перед гробовой доской открывает «Америку» своей души, приходит к пониманию своего призвания. Сам он избежал такой участи. Быть профессиональным революционером — в этом и только в этом видел он свое счастье. Он нелегально работал сначала в Казани, а затем в Саратове. С 1895 года Бауман уже в Петербурге, где вступил в основанный Лениным «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В марте 1897 года он был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, а затем отправлен в ссылку. Бежав из ссылки, он с октября 1899 года находился за границей. Владимир Ильич высоко ценил органи-

Второй съезд РСДРП (июль—август 1903 года).

Ю. ВИНОГРАДОВ.

зиторские способности и преданность делу «Грача». Эту партийную кличку Бауману дали за частые «перелеты» границы с газетой «Искра», нелегально печатавшейся за границей.

Очень рано оборвалась жизнь этого замечательного большевика. Освобожденный революцией 1905 года из московской тюрьмы, он сразу же бросился в водоворот событий. 18 октября Н. Э. Бауман возглавил демонстрацию с красным знаменем в руках и был убит агентом царской охраны.

Непрестанным революционным горением была жизнь и других большевистских делегатов. Ростовский делегат Сергей Иванович Гусев прибыл на съезд, едва избежав виселицы за руководство знаменитой ростовской стачкой 1902 года и грандиозной мартовской демонстрацией 1903 года. Он, как и другие делегаты с мест, принес на съезд дыхание приближающейся революции.

В потемках самодержавия, под перекрестным огнем жандармерии эти самоотверженные революционеры умели находить путь к массам, воспитывали в себе качества подлинных вожakov рабочих масс. И не случайно, что партийные организации крупнейших пролетарских и политических центров страны были представлены на съезде именно большевиками: Петербург — А. В. Шотманом, Москва — Н. Э. Бауманом, Ваку — Б. М. Книпяном, Ростов — С. И. Гусевым, Киев — П. А. Красиковым, Одесса — Р. С. Землячкой, Центрально-промышленные районы — Л. М. Книпович и

А. М. Стопани, Тула — С. И. Степановым и Д. И. Ульяновым.

Не случайно также и то, что все четверо рабочих — делегатов съезда показали себя твердыми большевиками.

В ходе работы съезда все яснее вырисовывалась выдающаяся роль Ленина в борьбе за партию. Вспомним, что в то время в силу особых заслуг Плеханова, как первого русского марксиста, он еще оставался для многих русских социал-демократов кумиром. И вот на съезде, где делегаты с мест впервые видели и Плеханова и Ленина, они, естественно, пристально присматривались к ним, сопоставляли этих двух выдающихся руководителей. На самом съезде Плеханов еще поддерживал борьбу Ленина против оппортунистов. Выступая против «экономиста» Акимова, Плеханов говорил: «Он во что бы то ни стало хочет развести меня с Лениным. Но... я не стану разводиться с Лениным и надеюсь, что и он не намерен разводиться со мной». Увы! Вскоре после съезда Плеханов разошелся с Лениным, повернул к меньшевизму.

Душой съезда, его подлинным руководителем был, несомненно, Ленин. Гусев вспоминал, что уже в начале съезда Ленин в «моменты, наиболее горячие, берет на себя руководство целиком... Чем дальше шел съезд, чем сильнее разгоралась борьба между «искровцами», тем все выше вырастала в наших глазах фигура Ленина. И к концу съезда она стояла, по крайней мере в моих глазах, выше фигуры Плеханова». Об этом же пишет и

большевистский делегат Лядов: «Как-то само собой случилось, что все приехавшие с местной работы, из районов, где уже разгоралось массовое движение, где уже пахло близкой революцией, все тесней группировались вокруг Ленина, все более понимали, как важно для создающейся партии, чтобы именно Ленин оказался во главе ее».

Плеханов в общении с людьми как бы подчеркивал, что он намного выше их, вел себя, словно олимпийский бог, был холоден и высокомерен. Лядов рассказывает, что когда он прибыл на съезд, то поспешил прежде всего к Плеханову. Когда же он начал ему в чем-то противоречить, Плеханов посмотрел на него свысока и заявил: «Ваша маменька еще не была знакома с вашим папенькой, когда я уже был марксистом, а вы спорите со мной!» И, конечно же, после такого заявления уже не хотелось ни о чем с ним говорить.

Совсем иначе чувствовали себя с Лениным. Всех привлекала его поразительная скромность, сердечность и особая, ильичевская простота. «Зато как хорошо я чувствовал себя у Ильича!.. — восклицает Шотман. — Простая пролетарская обстановка, задушевный прием, дружеская беседа за стаканом чая... После этих бесед мы уходили еще более очарованными, хотя в этих беседах он ни разу не навязывал нам своих взглядов, не ругал инакомыслящих. Он очень ясно, как-то по-товарищески говорил, что он думает по данному вопросу».

Общавшихся с Лениным всегда покоряло то упоение, с каким он отдавался революционной работе. При нем всегда хотелось быть лучше, проявить свои самые хорошие качества. И не случайно вокруг Ленина сплотились люди, которые и сами были необычайно яркими, одаренными и вместе с тем очень человечными.

Трудно выделить кого-либо из них, и все же хочется особо сказать о женщинах, о двух первых большевичках — делегатках II съезда с решающим голосом.

Лидию Михайловну Книпович Ленин в целях конспирации окрестил «Дяденькой». Среди большевистских делегатов съезда она была, пожалуй, самой старшей. Ей было 47 лет. Свою революционную деятельность она начала еще в конце 70-х — начале 80-х годов. Л. М. Книпович принадлежала к тому поколению русских марксистов, которые, начав революционно мыслить как народовольцы, пришли затем ценой большой внутренней борьбы к признанию марксистской теории.

Облик Л. М. Книпович — пламенной революционерки и замечательного человека, с глубоким проникновением нарисован близким другом ее Н. К. Крупской. Из записок Крупской мы и приводим следующий отрывок:

«При имени «Дяденька» встает образ горячего, сильного, убежденного человека, отдавшего себя всего, без остатка, партийной работе, и в то же время как-то по-особенному близкого товарища. Лидия требовала от товарищей принципиальной выдержки, строгой конспирации, неустанной работы, жучила за всякий промах, высмеивала за неустойчивость: «Сегодня большевик, а завтра меньшевик», — с насмешкой говорила она вечно колебавшемуся между большевиками и меньшевиками товарищу. Но в трудную минуту именно к Лидии шли то-

варищи посоветоваться, рассказать о своих затруднениях, промахах, о своем горе. И Лидия вникала в каждую мелочь, у ней находили люди моральную поддержку. Лидия заботилась о товарищах как никто, устраивала паспорта, ночевки партийным нелегальным, заботилась и об арестованном рабочем, и о девице, разносившей литературу, и о матери «влетевшего» большевика. Подпольная работа проходила в те времена в очень тяжелых условиях: вечный риск «влететь», частое отсутствие места, где можно приткнуться, вынужденное безделье, когда приходилось скрываться, — все это изнашивало людей. Каждый, кто имел дело с Лидией, чувствовал: раз ты примкнул к партии, ты не одинок, тебя поддержат в трудную минуту. Без этого трудно было бы работать. Вот почему светлеют лица старых большевиков при упоминании о «Дяденьке».

Н. К. Крупская.

С глубоким волнением читаем мы эти строки, с волнением и гордостью за тех, кто заложил первые камни фундамента нашей партии, за старую большевистскую гвардию, выпестованную великим Лениным. Из этой гвардии и Розалия Самойловна Землячка. Она вступила в революционное социал-демократическое движение 17 лет и с тех пор в течение более полувека неизменно стояла на партийной вахте, как верный солдат-ленинец. Начиная со II съезда Землячка была делегатом всех (кроме V) партийных съездов, вплоть до последнего в ее жизни — XVIII съезда партии. Землячка принадлежала к тому необычайно привлекательному типу партийцев, для которых не существовала раздельно личная и партийная жизнь. Партия — это была вся ее жизнь.

Ленин близко знал Землячку, высоко ценил ее неустанную борьбу за партию, ее умение вести в глубоком подполье громадную организаторскую работу по закреплению влияния большевизма в местных организациях. В письме, относящемся уже к после-

Р. С. Землячка.

съездовскому периоду, Ленин писал Землячке: «Ура! Вы работали великолепно...» И в другом письме: «Вашу громадную работу по завоеванию 15 комитетов и организации трех конференций мы ценим чрезвычайно...»

В дни Октябрьской революции Землячка — секретарь Московского комитета партии, участвует в руководстве восстанием, утвердившим власть Советов в Москве. Она внесла свой большой вклад в победу, одержанную народом в гражданской войне.

Одной из ярчайших страниц в биографии Землячки является ее работа в органах партийного и советского контроля, ее беспощадная борьба с бюрократизмом, рутинной в работе отдельных звеньев советского аппарата. Эта ее деятельность запечатлена и в опубликованном «Правдой» дружественном стихотворении Демьяна Бедного:

*От канцелярицы и спячки
Чтоб оградить себя вполне,
Портрет товарища Землячки
Повесь, приятель, на стене...
Бродя потом по кабинету,
Молись, что ты пока узнал
Землячку только по портрету:
Сто раз грозней оригинал!*

Однако если для бюрократов и волокитчиков Землячка была действительно грозой, то для людей труда она являла собой образец отзывчивости и чуткости.

Тяжелые испытания, выпавшие на долю нашего народа в период Великой Отечественной войны, застали Землячку в преклонных годах. Но она оставалась на посту и вместе со всем народом ковала победу над врагом. Без таких людей, как Вауман, Гусев, Лядов, Шотман, Книпович, Землячка, и подобных им большевиков наша партия никогда не могла бы победить, стать тем, что она есть, — великой партией советского народа, строящего коммунизм.

Л. М. Книпович.

К К О М М У Н И З М У

Они приехали в Москву со всех концов страны. Они обсуждали в Кремле сегодняшние свои заботы, намечали завтрашние пути наступления.

Наш корреспондент Т. Рябикина обратилась к нескольким участникам совещания с просьбой рассказать об их делах, раздумьях, поделиться планами на будущее.

ХОЗЯЕВА СВОЕГО СЧАСТЬЯ

Хороший, справедливый закон у нас — человека ценят по его труду. По труду и почет людям и народное спасибо.

Мое поколение помнит совсем другие времена. Какие там почести — за подневольную скотину считали труженика! Хозяин мог над ним и насмеяться, и обсчитать его, и выгнать, когда вздумается. Мать моя с утра до поздней ночи гнула спину на чужом поле, каждую пядь его поливала потом да слезами, а для нас, ребят, часто и куска хлеба не оказывалось в доме. Мне самой не удалось даже и узнать, что такое школа. От земли не видать — пошла наниматься в батрачки.

К чему вспоминаю я те горькие времена? А к тому, что как следует понять успехи, взлет нашей страны можно только в сравнении. И чаще нужно напоминать о прошлом нашей молодежи, чтобы видела она, что дала ей партия, что завоевали для нее старшие поколения.

Не на блюдечке поднесли нам сегодняшнее счастье. Сколько крови, сколько жизней заплачено за него! Как сейчас стоит перед глазами — выгоняют красноармейцы из нашего села какую-то банду (столько их рыскало по нашей Украине, что и названия все перепутались!). Заходит в нашу хату измученный, аж почерневший от усталости боец. Раненая рука подвязана веревкой, гимнастерка порвана, а на дворе уж снег выпал. Кинулась я отыскивать ему хоть какую-нибудь мужнину одежку, да у самих ведь тогда было только то, что на себе. Плачу, пытаюсь что-то смастерить красноармейцу из последней скатерки, уговариваю его хоть передохнуть у нас немного, подлечить руку. «Нет, — улыбается через силу, — отдыхать будем, когда последнего буржуя прогоним».

А разве забудешь, как начинали мы строить колхоз? А те страшные листки с черной каймой, что приходили в родной дом вместо наших сыновей? А те первые послевоенные весны, когда впрягали в плуг коров и помогали им сами?

Вот и обидно бывает мне, когда смотрю сейчас на некоторых молодых. Принимают они все от государства как должное. Одиннадцатилетнее образование бесплатно им дают — что же вроде в этом особенного? Предлагают работу на выбор — а разве может быть иначе? В институт двери открывают — так еще подумают, не слишком ли хлопотно учиться-то!

А находятся и такие, что считают полным своим правом чуть ли не до седых волос сидеть на шее родителей. Бездельничают да еще работающих оговаривают — и то дело кажется им дюже грязным и это неинтересным. Хлеб же народный едят они исправно. И не задумываются над тем, что он тоже растет на земле — в грязи по-ихнему. И взять его людям у земли ой как непросто!

Кто же виноват в том, что вырастают на нашей земле такие сорняки? Я считаю, самая тяжкая вина — на родителях. И не о тех говорю я, какие сами живут бесчестно, стремят-

Широкое, развернутое упругим ветром знамя парит над Кремлем. На знамени — силуэт дорогого Ильича. Ярко-алая полоска подчеркивает надпись: «Участнику Всесоюзного совещания передовиков движения за коммунистический труд».

Этот продолговатый неброский значок прикалывали рядом с трудовыми и ратными орденами, а порой и золотыми звездочками Героев. И хранить его наверняка будут, как самое дорогое. Потому что это немалая честь для человека — приехать в столицу посланцем армии труда.

Никита Сергеевич Хрущев назвал их «гвардией строителей коммунизма». И тех, кто сидел в светлом, торжественно притихшем зале, и тех, кого этот зал не сумел вместить: ведь у нас нет пока зала, вмещающего двадцать три миллиона человек!

Да, их сегодня уже двадцать три миллиона — людей с честными, сноровистыми руками и справедливым, отзывчивым сердцем! Казалось бы, совсем недавно рабочие депо Москва-Сортировочная выступили заповалами похода за коммунистический труд. Совсем недавно жарко спорили на собраниях, обсуждая заповеди первых бригад, вливающих в соревнование. А теперь за право называться коммунистическими борются уже не отдельные бригады, а целые цеха, заводы, колхозы. Более двух тысяч предприятий гордятся этим званием.

Гвардейцы — это значит самые бесстрашные и упорные. Нетерпимые к недостаткам. Готовые в любой момент поддерживать товарища.

НА ПУТИ

ся побольше нахапать, урвать себе от общего пирога. С этими разговор короткий — ногтем их к доске, как сказал Никита Сергеевич. Народный контроль теперь разворачивается у нас широко, помощников у партии не счесть. Так что земля должна гореть под ногами жуликов, лентяев и прочей нечисти.

Нет, я имею в виду людей честных, которые портят детей не плохим примером, а своей неразумной любовью. Да вам и самим, небось, приходилось видеть таких матерей: сама от зари до зари в поле, а придет — по хозяйству крутится, стирает, варит, шьет. Дочку же за водой жалеет послать — она, мол, у меня ученая, к грязной работе непривычная. Так и появляется у дочки зазнайство, настоящий труд начинает она считать грязной работой, ищет легкую тропку в жизни. А где она у нас, та легкая тропка? Какую ни возьми специальность, везде руки да ум надо приложить, чтобы добиться успеха.

И еще одно скажу: не нужно баловать ребят лишними деньгами. Лучше мы стали жить, зажиточнее — это очень хорошо. Но пускай дети сначала прочувствуют, как эти деньги достаются, а потом уже учатся их тратить.

Я со своими ребятами всегда была строгой, с малых лет приучала их к труду. И хоть растила их одна, без мужа, краснеть за них ни разу не приходилось. Много хороших девчат и в моей ланке. Взять хоть мою заместительницу Надю Хабчук. Выросла она на моих глазах. Мать ее, Ольга Максимовна, работала вместе со мной; глядишь, и на поле к матери прибежит Надийка и дома обедом ее встретит. Чего же удивляться тому, что она, совсем еще недавно из школы, оставляет уже позади опытных работниц?

Только хорошее могу я сказать и про Олю Дикую, Полю Бакальчук, Женю Хабчук. Да разве мало у нас замечательной молодежи! И на совещании подходили ко мне парни и девчата и с Алтая и из Сибири — отовсюду. Слушаешь их рассказы о работе и радуешься — до чего ладная смена растет! На

сорняках же остановилась я просто потому, что не дает мне покоя их существование. Что же, и в коммунизм будем их тянуть на своем горбу?

Пусть каждый труженик оглянется вокруг себя, кого можно — подтянет, а кого нужно — выведет на чистую воду.

Еще одним нашим врагом считаю я равнодушие. Бывает ведь, разговоришься с человеком о недостатках, а он разводит руками: я, мол, простой колхозник, что с меня спрашивать. Очень не люблю я это слово — «простой»: удобно за него прятаться. В нашей стране нет простых и непростых, все хозяева, все в ответе за дела государства.

Я-то ведь тоже простая крестьянка, вот уж почти тридцать лет работаю ланковой. Но только если что требовалось по работе, от председателя не отступала. Вот, к примеру, в сорок седьмом году взялась моя ланка выращивать высокие урожаи кукурузы. Дело это по тем временам на Полесье было новым, и сомневающиеся нашлись и насмешники. И председатель смотрел на кукурузу как на ненужную помеху. Что ж, я и мои подруги тоже могли бы тогда спрячьтаться за слово «простые». Совесть хлеборобская не позволила сделать это. У партии, у самого Никиты Сергеевича учились мы настойчивости, хозяйской сметке. И теперь с гордостью можем рапортовать народу: даже в прошлом, на редкость неблагоприятном году ланка собрала с каждого гектара по 85 центнеров сухого зерна кукурузы.

Мне уже семьдесят, но на покой, я считаю, идти рановато. И больше всего радуют меня письма, в которых со всех концов страны люди пенсионного возраста сообщают, что снова вернулись в строй, снова приносят пользу народу. Правильно, товарищи! Уж больно в горячее время мы живем, чтобы при здоровье сидеть сложа руки. Вот, к примеру, строит семья новую хату — так все в работу включаются. Смотришь, и ребяташки копошатся на стройке и старики. Минутку лишнюю боятся потерять: каждому, понятно, хочется пожить просторно да красиво.

Так сейчас и у нас в стране. Строим мы общий наш светлый дом — коммунизм, и чем больше помощников будет в строительстве, чем честнее будут они трудиться, тем быстрее справим мы новоселье.

Н. ЗАГЛАДА,
звеньевая колхоза имени 1 Мая,
Герой Социалистического Труда

Житомирская область.

НАСТУПАЕМ ШИРОКИМ ФРОНТОМ!

Получилось так, что звание ударника коммунистического труда присваивалось мне уже трижды. Сейчас я работаю в четвертой, еще не так давно отставав-

шей бригаде. А сейчас и она добилась почетного права называться коммунистической.

В бригадах, где я работала, приходи-

лось мне сталкиваться с самыми разными людьми. И по своему опыту я знаю: нет людей неспособных, так сказать, созданных быть отстающими. Самое главное — не дать человеку смириться с отставанием, вовремя подтолкнуть его, заставить заново поверить в свои силы.

Именно эту цель преследует недавно возникший на нашем комбинате почин

помощника мастера Якова Григорьевича Кошелева и ткачих его комплекта тт. Заборовской, Семеновой, Богдановой, Михайловой и других.

Первый ткацкий цех, где работает Кошелев, долгое время не мог выйти из прорыва. В цехе было много новеньких работниц, только что окончивших школы ФЗУ. Не пошло у них сразу как следует дело — ну, некоторые и растерялись. В комплект Якова Григорьевича тоже пришли новички, но там они быстро освоились и уже через два-три месяца не отставали от других. Да это и не мудрено: руководитель Кошелев отличный, станки в образцовом порядке держит. К тому же сам работал раньше ткачом, так что все «секреты» знает — и правильный маршрут сразу подскажет и узел моментально вязать научит.

И вышло, что комплект Кошелева кончает каждый месяц с перевыполнением, а цех в целом отстает. Разговорился как-то Яков Григорьевич со своими ткачихами: не перейти ли самым опытным из них в другие бригады? На нозом месте и соседи они сумеют подучить да и иных поммастеров расшевелят: ткачихи-то Кошелева знают, в каком состоянии должно быть оборудование! Себе же на их место решил он набрать

самых отстающих. Пускай поработают в передовом комплекте, привыкнут к тому, что норма вполне выполнима. А уж как появится у людей уверенность в своей силе, отвыкнут они от своего отставания, тогда и в прежние бригады вернуться им не страшно.

«Старые» ткачихи комплекта сознательно пошли на возможное снижение заработка, на новые трудности. Ведь одно дело работать с привычным, внимательным руководителем, на выверенных, точно часы, станках, и совсем другое — начинать все сначала.

Знакома мне их тревога! Когда я впервые решила пойти на подмогу соседям, не все шло как по маслу. Но зато как я была счастлива, когда бригада пошла вровень с лучшими! И как мне было приятно, когда на совещании в Кремле товарищ Гришин сказал в своем докладе, что вслед за мной уже более 50 тысяч передовиков производства перешли в отстающие бригады и на участки и помогли им!

Я думаю, Кошелев и ткачихи его комплекта были вознаграждены за свою самоотверженность тем, что число отстающих в первом цехе только за два месяца работы по-новому уменьшилось вдвое.

Когда говорят о размахе движения за коммунистический труд, часто употребляют выражение «цепная реакция». На мой взгляд, это выражение имеет большой смысл. Действительно, хорошие начинания у нас не залеживаются.

Хотелось бы, чтобы и почин, о котором я рассказала здесь, взяли на вооружение побольше предприятий, колхозов.

Вот, к примеру, работают рядом несколько полеводческих бригад. У одной дела ладятся лучше всех. Так почему бы ей время от времени не брать к себе на выучку самых слабых работников из других бригад?

Три года назад, на первом слете передовиков движения за коммунистический труд, Никита Сергеевич сказал, что одна бригада, один завод, один колхоз, совхоз или район не могут в одиночку прийти к коммунизму. Только вместе, только широким фронтом общенародной борьбы завоюем мы его высоты.

Этот фронт стал поистине широким!

В. ГАГАНОВА,
плановница Вышневолоцкого
хлопчатобумажного комбината,
Герой Социалистического Труда

Калининская область.

Я С ВАМИ, ПОЛЯ МОИ...

Начать рассказ хочется мне с одного случая.

Вышли мы в поле — а время было самое страдное, уборка — гляжу, нет Марийки Притымы. Вечером заглядываю к ней домой — уехала, говорят. Куда? Да к тетке в город, на завод устраиваться.

Значит, уехала все же!.. Лыжи-то она из колхоза уж давно навестила. Бывало, любила толковать: ну что выдающегося в нашей жизни? Вон какие интересные книжки пишут про огромные стройки, про целину. У людей трудности — так трудности. А мы? Все сидим на одном месте, будто приросли. И вспомнить-то потом нечего будет...

Какой-то неприятный осадок остался после Марийкиного отъезда. Нет-нет да и ловила я себя на мысли: а может, и вправду самое важное проходит в стороне от нас? Принимали меня в партию — так вся биография на одном тетрадном листочке уместилась. Окончила школу. Пошла работать в полеводство. Потом организовали в колхозе комсомольско-молодежную ланку, и меня назначили ланковой. Вот и все, собственно...

Но что касается трудностей... Немало пришлось нам хлебнуть их хотя бы в ту самую уборку, когда ушла из ланки Притыма. В тот год впервые в районе боролись мы за 80 центнеров сухого зерна кукурузы с гектара. Сколько нашего труда было вложено в поле! По совету агронома Миколы Терентьевича Демьяненко применяли мы самые новейшие приемы: прогрели семена на солнце, перед посевом обработали их фосфоробактерином. Навозу за зиму на каждый гектар вывезли почти по 40 тонн. И пропололи всю площадь дважды, и пасынкование провели, и дополнительное опыление...

Долг земля отдала сполна: убрали кукурузу — и сами даже не поверили — не 80 центнеров, как обязались, а почти 90 дал каждый гектар! Наградили нас почетными значками «Знатный кукурузовод Полтавщины». У меня на значке стоит № 1, а у девчат дальше по порядку. Приветственное письмо нашему звену прислал сам Никита Сергеевич Хрущев.

Воодушевленные его теплыми, отеческими словами, на следующий, 62-й год мы взялись за работу еще горячее. Но как назло запропастились куда-то дожди. Бывало, только разлепши утром веки, тут же бежишь к окну: нет ли на небе хоть облачка? Каждый центнер зерна отнимали у природы с боем. И все-таки сумели «отнять» не так уж мало: с 30 гектаров по 101 центнеру, а с 50 — по 75 центнеров.

Теперь немало приезжает в наше село гостей. Смотрят, как мы работаем, расспрашивают о секретах. Да вроде ника-

ких особенных секретов и нет. Может, то, что очень хорошо помогает нам агроном? А может, в том причина, что исключительно добросовестные механизаторы прикреплены к звену: Миша Кобылан, Василь Иващенко да Иван Маслий? Слово по линейке ведут они рядки на севе, а когда обрабатывают кукурузу, так ни один росточек стараются не повредить.

«Секрет» и в трудолюбии моих девчат. Ланка все растет. Начали мы всемером, а теперь уже нас семнадцать, кукурузы за нами закреплено 100 гектаров да еще сахарная свекла, картофель. В горячую пору прямо удивляюсь я, сколько успевают сделать за день Галя Керий, Мария Петлюх или Тоня Кобылан. Кажется, руки уж от усталости не поднимаются, а глядишь, затянул кто-нибудь песню, влелелись в нее все голоса — и снова работа ладится. Да еще, как свои рядки пройдем, обязательно вернемся помочь отстающим. У нас закон: кончаем работу одновременно.

Почти все девчата в моей ланке учатся в институтах, техникумах, вечерней школе. Инженерами-строителями станут скоро сестры Галя и Оля Скидан, стоматологом — Мария Петлюх. Я сама перешла на 4-й курс сельскохозяйственного института. Не хочется расставаться с землей, буду агрономом.

Председатель наш шутит, что учеба — повальное «бедствие» в нашем колхозе. И действительно, как сессия — разъезжается чуть не полсела. Растут люди, стремятся к знаниям. Недаром ведь колхоз наш борется за право называться коммунистическим.

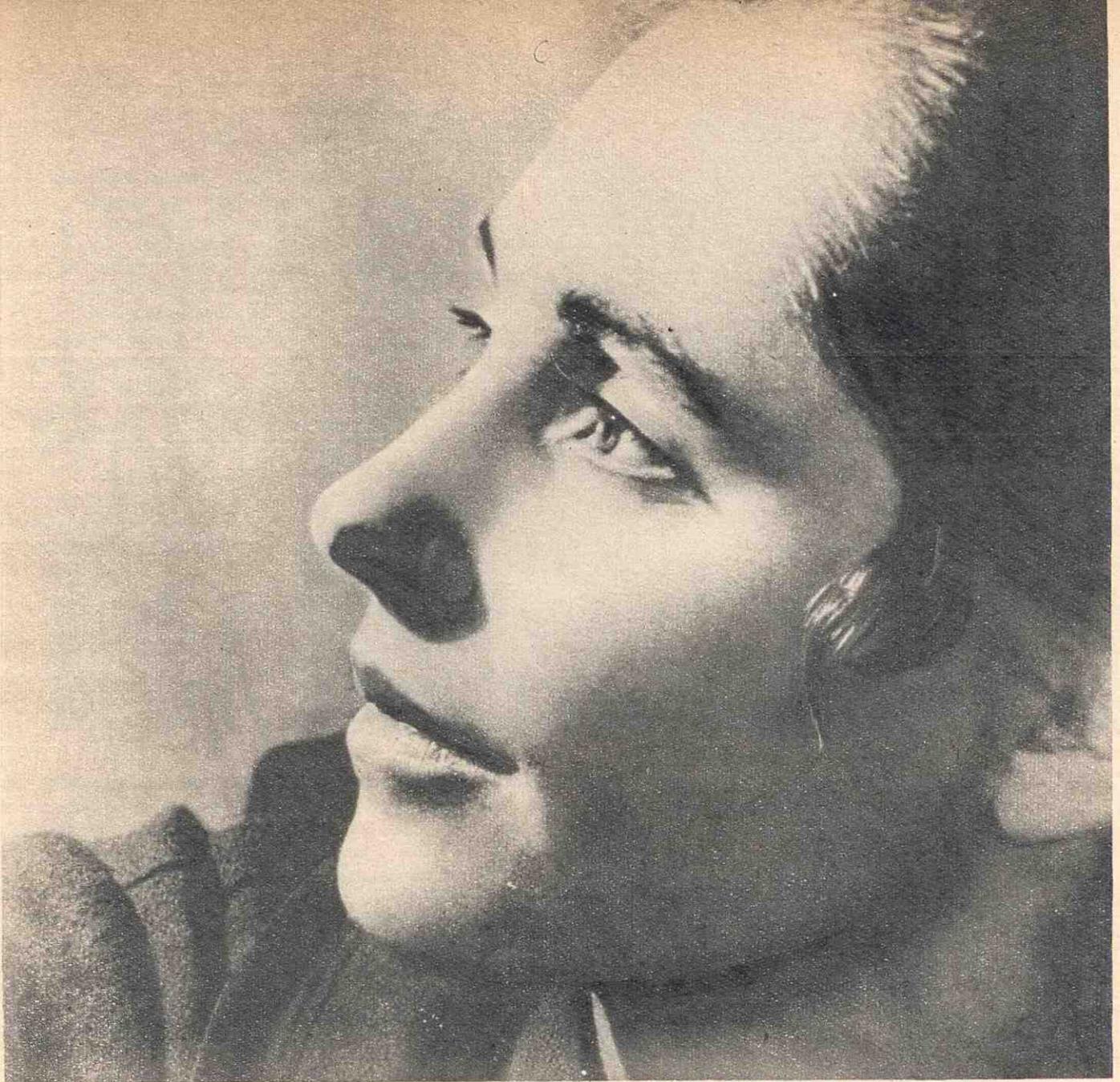
И еще об одном нашем деле хочется мне рассказать. Услышали мы прошлой осенью, что по стране создаются курсы механизаторского всеобуча. А почему бы, думаем, и нам не освоить трактор? Жизнь-то все вперед идет, ручной труд упорно витесняют машины. Кто знает, может, придется нам скоро стать полностью механизированной ланкой. Но это мечты, а сегодня знание трактора поможет нам наладить в горячее время бесперебойную работу механизмов. А то случись что с механизатором — и бегаешь за председателем, выпрашиваешь замену. А замену-то не так быстро найдешь.

Ездить на тракторе и раньше некоторые из нас умели. Возим, к примеру, навоз, так попросишь тракториста уступить на минутку рычаги. А теперь уже каждая из нас управляется с машиной со знанием дела.

Вот так мы и живем. Работаем, учимся, ну и отдыхаем, конечно, в клуб часто ходим, в самодеятельности участвуем.

У меня давняя любовь — стихи. Работа стихам не мешает сами собою складываются в поле строчки.

*Я выйду тропинкою росною
В рассветную даль за село,
Где радугой сине-розовой
Небо мое расцвело.*

*И ветер ударит с разгона
И стихнет в пшеничной волне...
Обрадуется жаворонок,
Как старому другу, мне.
Не знаю, какими словами
Любовь мою высказать вам.
Я с вами, любимые, с вами,
Я солнцу шепчу и полям.
Вы первыми мне повстречались
На этой земле зоревой,
Я с вами смеюсь и печалюсь,
Люблю вас и в холод и зной...
Шумите вокруг колосками
В рассветный задумчивый час.
Вы сердце мое обласкали,
Руками ласкаю я вас.
Чтоб Родина стала богаче
И небо светлее над ней,
В мечтах и в работе горячей
Я с вами — судьбою своей.
Колышет рассветное пламя
Вдали горизонт голубой.
Я с вами, поля мои, с вами
Душою, делами, словами,
О край мой широкий, с тобой.*

Ну, а что же случилось с Марийкой, о которой начала я рассказ? Вернулась она, пришла снова в ланку. Не знаю, то ли поняла, что наша работа сейчас самая ответственная в стране, что мы, как говорится, на переднем крае. А может, просто заработки на заводе оказались меньше наших. Во всяком случае, теперь уже не слышим от нее рассуждений, что мы в стороне от больших дел. Сама она участвует в этих делах!

Е. ГУЛИЙ,
Полтавская область. звеньевая колхоза имени Шевченко

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Выступавшие затронули очень важные вопросы. Нам хотелось бы продолжить этот разговор.

Пишите нам, чем живут сегодня коллективы коммунистического труда. Какие полезные начинания рождаются в них?

Как воспитывается в людях честное, ревностное отношение к своему труду и непримиримость к недостаткам?

Главврач С. Канцельпольский
и врач Л. Мацевич.

Каждую неделю, когда над Тихвином спускаются сумерки и в городской поликлинике заканчивается рабочий день, восемь-девять врачей быстро собираются в дорогу.

И вот уже по узкому накатанному шоссе мчатся среди густого хвойного леса две автомашины городской «Скорой помощи». Бригада

врачей спешит на очередной осмотр больных.

За много километров от Тихвина раскинулись села района. Не в каждом из них есть поликлиника, не у каждого хорошее сообщение с городом. Заболеет в какой-нибудь отдаленной деревне человек, нужно ему показать специалисту, но как подумает о предстоящей

дороге в город, махнет рукой: обойдется, мол, как-нибудь.

Для того, чтобы следить за здоровьем людей в самых глухих уголках района, врачи города и организовали выездную поликлинику на общественных началах. Заведует ею молодой хирург ленинградец Виктор Юрьевич Петров.

Сначала предполагалось, что она будет комсомольско-молодежной. Но жизнь внесла свои поправки.

Моя соседка по машине — опытный врач Зинаида Яковлевна Малкова.

— Мы, «старики», обиделись, что при организации общественной поликлиники сначала нас «обошли», — говорит она мне. — И все как один решили: никаких скидок на возраст.

На повороте дороги в деревню Новоандреево нас встречают ребятишки. Эти

Д Р А Г

вестовые-добровольцы сообщают, что врачам надлежит ехать к правлению колхоза. Здесь, предупрежденный за несколько дней о приезде «поликлиники», фельдшер собрал желающих проконсультироваться у городских специалистов.

Прибывших, видно, ждали, как ждут самых дорогих гостей. Выскобленный ножом пол правления никогда, наверное, не был таким ослепительно-чистым. На окнах свежестырянные занавески. Тотчас же на двери кабинета председателя колхоза вывешивается табличка: «Врач по внутренним болезням». Здесь начинают прием два терапевта. Кабинет бухгалтера занимает хирург. Еще в одной комнате — гинеколог. Самое большое помещение поделили между собой специалисты по уху, горлу, носу и глазным болезням. Начинается прием. Через несколько минут появляются первые назначения на анализы. С ними идут к лабо-

Отоларинголог Т. Соловьева.

рантке, расположившейся со всем своим оборудованием в комнатке колхозного кассира. Не сидит без дела и аптекарь, приехавший с врачами: у него покупают прописанные лекарства. Детский врач осматривает ребят в школе.

Врачи стараются обследовать пациента всесторонне. Если обнаруживали заболевания, которые пока не причиняют беспокойства больному, тут же назначали лечение. Выявили случаи, требующие и неотложного хирургического вмешательства.

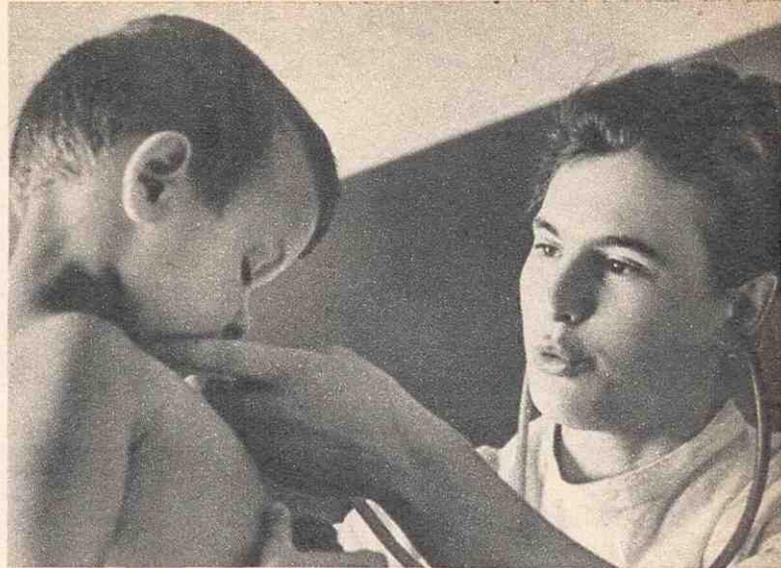
...В кабинет окулиста входит пожилая женщина. Нет,

Педиатр Н. Львова.

А Семен Михайлович на вид совсем мальчик. Товарищи зовут его Сеня. Он секретарь комсомольской организации больницы. Его вдумчивость, внимательность, доброта сразу располагают к нему.

...Прием окончен. За вечер врачи успели осмотреть больше ста больных. Фельдшер получает указание следовать за исполнением предписаний. Снимаются с дверей таблички, укладываются «лаборатория», «аптека».

Вскоре машины одна за

ЩЕНЫ И ПОЧИ

она не на прием. Узнав, что приехали врачи, она пришла из другой деревни поблагодарить Семена Михайловича Чутко, который избавил ее от тяжелых страданий. В районе часто можно услышать о Чутко: «Молодец он, наш Семен Михайлович!»

Окулист С. Чутко.

другой мчатся по голубой от лунного света дороге. Когда приезжаем в Тихвин, городок спит. Половина двенадцатого ночи...

А завтра утром люди в белых халатах начнут свой обычный рабочий день...

Общественная поликлиника обслуживает десятки деревень района. У нее тысячи пациентов.

Благородное начинание тихвинских врачей подхватили их соседи — врачи Рощина, Пикалева.

Лаборантка Т. Синикова.

— Но мы зовем в свои ряды и сибиряков и дальневосточников, всех, — сказали мне на прощание тихвинские медики.

Ирина МАЕВСКАЯ
Фото С. ВЕТЧИНИНА.
Ленинградская область.

НЕУНОРОВАЯ

Н. ПАРЫГИНА

Рассказ

Рисунки М. СТРИЖЕНОВА.

1

— Катерина Алексеевна? Здесь она живет, здесь, только дома нету. В контору-то не заглянула? Тоже нету? Ну, так на ферму куда-нибудь уехала. Дел много, хозяйство большое, миллионщиками нас теперь зовут. Так и говорят соседи: миллионщики, мол.

А ты из городу? Ботиночки-то на тебе не по нашему морозу. Раздевайся, обогрейся, чайку попьешь, а то щец похлебай. Вот сюда садись, к печке поближе...

Отгорелась? И ладно и слава богу. Может, на печь полезешь, полежишь? Ну, гляди. Непривычно вам, городским, на печи. А я, бывало, как прибегу с фермы вот в этакую стужу, так нету для меня лучше радости, чем эта печь.

Теперь я на пенсии. От колхоза пенсию мне положили за долгий труд. Шестидесят пять стукнуло, с тридцатого года в колхозе. Молодость в батрачестве провела. С восьмью лет в няньки отдали. Десять человек нас было, ребят, отец — инвалид. Я было потихоньку в школу с братишкой ушла, а мать узнала — да хворостиной: на что, мол, девке грамота, в няньки ступай.

А после батрачила. Колхоз организовали — в колхоз записалась. На ферму дояркой назначили. Да вот до прошлого года все и доила.

Про детей спрашиваешь... Не довелось мне детей понянчить. Не была я замужем. Что ж тут причины выискивать... Не взял никто — одна и причина. Не то чтобы куражливая я была или ленивая. И собой других не хуже. Только бедность заела. Все мое приданое в молодые-то годы было — одно платьишко, да и то в заплатках. Девки — на гулянье, а я — за веретено. Сама пряду хозяйке пряжу, сама потихоньку слезы утираю. Молодость, она своего требует, сердце и в богатстве и в бедности одинаково ласки ждет. И мое томилось. Да не выпало на долю радости. Так и прожила век одна.

До войны хозяйство у нас было сильное, работали дружно, весело, я себя не жалела и от людей видела почет. Раз на собрании выступает наш колхозный плотник Федор Жмури, хороший был человек, в войну под Берлином погиб... Выступает и говорит... Есть, говорит, у меня предложение. Надо выстроит от колхоза Анне Ивановне Козловой дом. Молодость она без своего угла провела, по чужим людям батрачила и теперь у брата живет, себе не хозяйка. Трудится, мол, она хорошо, и мы должны отплатить ей хорошим.

Сел Жмури, а председатель слова его из-за стола повторил. Кто за такое дело, подымите руки. Все подня-

ли, только я не подняла, лицо закрыла, совестно мне от людей за свои слезы, а они без моей воли катятся. Поняла я в тот день, что вовсе я не бесчастная и нельзя мне на судьбу плакаться, раз кругом такие люди, такая жизнь.

К осени и выстроили дом, вот этот самый, где сейчас сидим с тобой.

Всякое потом случалось. Через год война началась, ты сама, небось, через все прошла, испытала лиху. Немец до нас не добрался, деревня цела осталась, а хозяйство порушилось. Бабы-то руки при мужских сильны, а в одиночку больше маются, чем управляются.

С той самой военной поры и сбился наш колхоз с дороги и сколько лет не мог поправиться. Чего только с ним не делали! И укрупняли и обратно отсекали, то рожь приказывали нам сеять, то свиней разводить, а уж председателей этих сменялось столько, что и не упомнишь всех-то. Из городу приплют — хозяйства не знает. Своего выберем — либо запьет, либо начальству районному не потрафит. А главная беда — никак на такого не нападём, чтоб души своей для людей не жалел.

Соседние колхозы — тот, глядим, поднимается, в другом трудовень окреп, люди дома новые строят, свадьбы справляют. А из наше, деревни женихи в город упрыгали, и невесты за ними на заводы потянулись. А кто пооставался, каждый по-своему приспособляется, живут, как одиночники, со своими огородами да с поросятами возятся, а на колхозное поле в полдень выйдут и заодно до вечера назад торопят. Без совести работают. Оно и верно: обидно работать-то, если наш труд председатель с дружками в самогонку переводит.

Вот так и жили, пока Катерину Алексеевну не выбрали. А выбрали ее очень даже неожиданно, все говорили, что опять председатель останется тот же, Катерины Алексеевны муж. А на собрании он вдруг... Долго ли у нас был? Два года. Ну, тогда я уж тебе все по порядку расскажу. Сперва про Николая Ивановича, а после про нее, про Катерину Алексеевну.

2

Сами они не наши, не лозиновские. Из Горбачей приехали, из райцентра. Он, Николай-то Иванович, в Горбачах пост хороший занимал, до этого несколько раз наезжал к нам. Выйдет из машины, накинется на председателя: такой-сякой, почему хлеб не сдаешь? Или за надои ругает: отчего упали? Председатель кается, да обещается, да через каждое слово его величает.

А тут вышли новые решения: чтоб

дельным людям в кабинетах не сидеть, а быть с народом. К нам и привезли, стало быть, Николая Ивановича, а фамилия его — Селиванов.

Привезли его к самому собранию, даже с запозданием. Народ собрался в клубе, мужики курят, бабы семечки луцат, но собрания не начинают, хоть срок прошел. А только приехал Николай Иванович с секретарем райкома — и начали. Никто не говорил, что Селиванова на председателя метят, да мы уж не раз выбирали, сами с соображением, коли с секретарем райкома приехал да в президиуме сидит — значит, за него и голосовать.

Прежний председатель отчет делает, какие успехи, какие недостатки, а люди не слушают, больше на Селиванова глядят да шепчутся. Каков новый председатель будет? Вдруг повежет: умный да горячий человек окажется. А ежели пень, так чего же за него голосовать, лучше уж старого оставить, по крайней мере повадки его знакомые: с какого боку подойти и как пол-литру подсунуть, чтобы лошадь дал или там соломы.

Отчитался наш председатель, проголосовали, чтобы его снять, и выходит секретарь райкома. Так и так — про Селиванова, проверенный товарищ, имеет фронтовое ранение и в партии состоит десять лет. И все у него хорошо и складно выходит, только одного не говорит секретарь райкома: много ли он человека в председатели нам навязывает. Про это в анкетах не пишут и в речах не говорят, и с первого взгляду угадать тоже трудно. Когда из Горбачей с наском приезжал — вроде правильно ругался. А только выговор сделать большого ума не надо. На словах бойкий, каков-то будет в упряжке!

Кончил секретарь райкома нахваливать Селиванова, спрашивает, какие вопросы. Спросил кто-то, по своей ли охоте идет в председатели. Сказал, по своей. Еще про семью спросили, какая семья и что жена думает насчет колхоза. Сказал, что детей нету, а жена в колхоз ехать не согласная, но он ее либо уговорит, либо бросит. Потому, говорит, мне партийный долг дороже жены. И даже в грудь себя ударил.

Не знаю почему, только подумала я тут про него, что человек не настоящий. «Жену брошу!» Сегодня жену покинешь, а завтра так же без боли из колхоза убежишь. Так я в уме прикинула. Но вслух ничего такого не сказала. Может, и еще у кого сомнение было — тоже молчали. Стал Селиванов председателем.

С месяц он из Горбачей в колхоз ездил, за сорок километров, а после решил к нам в Лозиновку переселиться. Попросился ко мне на квартиру. Я перечить не стала, надо же где-то человеку жить, приняла его.

Худого о нем не скажу. Пить он не пил, поросенка один тут принес ему, больше пуда тянул, небось, поросенок — Николай Иванович так его попер с этим поросенком, тот еле двери напел. Подымался в пять часов, ложился поздно. Меня по имени-отчеству звал, слова грубого от него не слышала.

Может, и неплохой человек, а

только вроде какой-то засушенный. Сам суетится, а душа спит. Придет к нам на ферму, расспрашивает, как дела, чего надо, говорите, поддержим, поможем. Мы спервоначалу-то по-серьезному на его слова отзывались, вперебой с просьбами лезем. Барду бы, мол, с сахарного завода возить — рядом завод, крышу починить у коровника, телятник утеплить. Он головой кивает, все в тетрадку записывает. Сделаем, говорит, наладим, обеспечим. Неделя пройдет — ничего не меняется, месяц отстучает — все по-прежнему остается.

Дома он тихий. Что приготовлю — поест, спасибо скажет и ляжет с газетой на диван. Чтобы поговорить о чем или заботой какой поделиться — ни-ни.

Я теперь так рассуждаю: главная его беда, что далекий он от людей был. Кабинет у него в Горбачах — большой, агроном наш в тот кабинет к Николаю Ивановичу навещивался, стол — широкий. Селиванов по одну сторону сидит, а кто придет — по другую. Через стол по душам не поговоришь. И на новое место Николай Иванович старые повадки привез. Я приказываю — ты исполняй, и весь сказ.

Оно бы, может, и пошло дело, кабы знать, что приказывать. Колхозную нашу жизнь он больше по сводкам понимал, а в сводках всего не пропишешь, да и то можно прописать, чего в жизни нету. Соберет правление, план им вычитывает: пшеницы, мол, надо по шестнадцать центнеров собрать, сахарной свеклы — по четыреста, кукурузы на силос — по шестьсот. Оно на бумажке все лихо выходит, а сеять ведь придется не в бумажку, а в землю. Кто поразумней в правлении, заикнулись было насчет удобрений да семян, а он на них цыкнул: «Сам знаю».

Зиму прожили так и сяк, а весной посыпались на колхоз напасти. Свиной пало сорок голов. Семенное зерно попрекло, собрались сеять — хватать-похватать, а семена негодные. Машины отремонтировали кое-как, и на поле они закуражились; у других колхозов уже всходы, а наши зер-

нышки еще до земли не дошли. Николай Иванович от поля к полю на машине летает, кулаками машет и голос не бережет, а толку мало.

И стал он тут, милая моя, задумываться. Придет вечером притомившийся, аж глаза западут, как у больного, и уж газету в руки не берет. Тарелка с кашей перед ним стоит — он кашу гречневую любил с молоком, — ложку в руке держит, а сам уставится глазами в одну точку, будто угодник с иконы, молчит. О чем думает — неизвестно, а думы, чую, невеселые. И ночью, слышу, не спит, с боку на бок крутится, да курит, да вздыхает. Жалко мне его, вижу, потерял себя человек, а как пособить, не знаю.

Хоть с грехом пополам, а кончили сеять, картошку посадили, миновала горячка, и зачастил тут мой Николай Иванович в Горбачи. Утром скажет: ты, мол, меня, Анна Ивановна, не жди, в Горбачи сегодня поеду. И прямо из правления, как с делами управится, — туда. Что уж, как у него там получается — не знаю, а только какой уезжал хмурый, такой и возвращался.

Однажды с вечера уехал Николай Иванович в Горбачи, я думала, до утра там, как всегда, останется, а среди ночи вдруг стучат.

— Кто?

— Я, Анна Ивановна, открой.

Бледный-бледный заходит и из кармана вынимает пол-литру.

— Нет ли, — говорит, — кислой капустки?

— Отчего же нет...

Сходила в погреб, принесла. Он стукнул бутылку по доньшкку, пробку выбил и налил себе полный стакан. И просит:

— Выпей со мной, Анна Ивановна.

Я пить не люблю, а отказать не посмела. Вижу, худо человеку. Чокнулась с ним, выпили. Хмель ему язык и развязал.

— Я, — говорит, — Анна Ивановна, неудачливый человек. Без места, говорит, в жизни остался. Сколько лет сидел, раз — и выдернули, будто занозу. А тут я чужой.

Я ему говорю:

— Ты бы, Николай Иванович, не о себе печалился, о людях бы подумал. Партийный ведь. И дело тебе доверили большое.

— Не по мне, — отвечает, — это дело. Не лежит моя душа к нему. В твоём доме я квартирант. И в колхозе я квартирант.

— Так на что ж ты, — говорю, — место не свое занял? Может, хороший бы человек нашелся, помог бы нам колхоз поднять...

— Потому я чужое место занял, что своего не нашел. А тут еще жена...

Махнул рукой и не стал договаривать.

Вот тогда я и спросила.

— Не придет, что ли, к тебе?

Он помолчал, вроде не хотел ответить. Но ответил все же:

— Придет. Кончит учебный год и придет. А лучше ли мне от того будет, не знаю.

3

— Не надоела я тебе с разговорами-то? Может, отдохнуть хочешь, так я помолчу. Нет? Ну, коли так, слушай. Вот про нее и стану сейчас рассказывать, про Катерину Алексеевну.

Приехала она к нам в июне. Не ждал ее Николай Иванович, а она чемоданчик захватила, села на автобус — да и в Лозинку. Вернее сказать, доехала до Федорова, село у нас тут, за пять километров, и там шоссейка проходит, а уж от Федорова — пешком. Упарилась, бедная, чемодан хоть и невелик, да силенок-то у ней не больно много, и день к тому же стоял жаркий. Я как раз на ферму собиралась, случайно подошла к окошку, гляжу, незнакомая женщина на дороге девочку соседскую о чем-то спрашивает, и девочка указывает ей на мой дом. Ну, думаю, не иначе Николая Ивановича жена. И поназойливей к ней пригляделась.

Была она из себя худая, платье узкое, без рукавов, туфельки красные на каблучках, волосы короткие и в кудерьки закручены. Издалека молоденькой мне показалась, а как поближе подошла — сразу старше сделалась, морщиночки на лице обозначились, в кудерьках — белые ниточки, и глаза такие серьезные, знать, немало чего им в жизни повидать довелось.

После я уж узнала, что в войну она в немецкий тыл с парашютом прыгала, два ордена в коробочке хранит и контужена была в партизанском бою, да так, что больше году ее в госпитале лечили. Врачи полагали, не поднимется, а она выдюжила, поднялась.

С Николаем Ивановичем сразу после войны они поженились, Катерина-то Алексеевна ребеночка хотела, а он ей: «Давай погодим, время трудное, учебу кончим, тогда об детях подумаем». Она и погубила ребеночка, не родивши. А после и рады бы дите заиметь, да не могла она: себя попортила.

Ну вот, с порядку-то сбилась. Про чего говорила? А, как приехала... Приехала, стало быть, встретила я ее, в дом провела, молока холодного

из погребца принесла, творогу. А самой на ферму надо.

— Оставайся, — говорю, — тут за хозяйку. Может, — спрашиваю, — Николаю Ивановичу сказать про тебя?

— Не надо, — отвечает, — не к спеху. Вечером увидимся.

Однако кто-то ему уж доложил. Иду я на ферму, а он навстречу несется. — Приехала! — кричит.

— Приехала.

Не знаю, какой там у них состоялся разговор, только когда я вернулась, глядели они друг на друга приветливо. Он ее: Катя, Катя, то за руки возьмет, то волосы потрогает. Прогуляться пошли в поле, а после, ночью, он ей ласковые слова шептал, каких я за свою жизнь и не слыхала. Стеночка тоненькая, в одну доску, и та не до потолка, для себя строила, не думала, что с чужими людьми придется жить, и все через ту стеночку слышно, хоть пальцами уши затыкай.

Неделю или, может, две жили они душа в душу. Николай Иванович с утра из дому уходит по колхозным делам, а она попозже встает, на речку побежит, искупается, а там в лес за земляничкой уйдет либо в садике сидит с книжкой. А то книжку на колени уронит и в поля глядит.

Все по-доброму шло, а однажды ночью просыпаюсь я от громкого разговору. Слышу, ссорятся вроде.

— Это ты виновата, — Николай-то Иванович басит, — не хочешь мне помочь, так лучше бы не приезжала.

А она ему:

— Ты не за свое дело взялся, а я виновата?

— Я не сам взялся, меня партия направила.

Долго они так препирались, а потом голоса тише стали, уж не корит ее Николай Иванович, а спрашивает:

— Пойди, Катя, хоть на самую легкую работу — сено ворошить либо огурцы полоть. А то бабы в глаза мне тычут: «Твоя-то жена с книжкой под яблоней сидит, а мы чем хуже? И мы будем с книжками сидеть, тоже грамотные».

Она долго молчала, потом говорит:

— Ладно, буду работать. Только самой легкой работы мне не надо, а пойду я на самую тяжелую.

Он опять на нее зашипел:

— Всегда у тебя крайности!

А она ему:

— Правильно. Крайности. Если стану работать в колхозе, так для дела, а не для показа. Где хуже всего, где нужна моя помощь?

Николай Иванович вздохнул, спичку чиркнул, закурил, видно.

— Где трудней всего, там тебе не справиться, — сказал он. — На свиноферме трудней всего.

— Справлюсь. Завтра поеду в Горбачи, заявление подам, что не буду больше учительницей, и пойду в свинарки.

Он на попятный:

— Да что ты, Катя, не надо никакого заявления, это же временно, для укрепления моего авторитета...

Она засмеялась, зло так засмеялась:

— Ты всю жизнь работаешь для авторитета, а я не хочу. И давай спать. Будем считать, что договорились.

Ушла я на ферму в четыре часа — тихо у них было, спали, видно, а вернулась с утренней дойки — Николая Ивановича нету, у нее глаза заплаканы, а сама собирается в Горбачи. На улице дождь льет, а она опять в этих красных туфельках.

— Решилась? — говорю.

— Решилась.

— А каяться не будешь?

Помолчала.

— Не знаю, может, и буду. Ребят я люблю, к школе привыкла. А все равно так надо. Я ему жена и в трудную минуту должна помочь.

— Что ж, — спрашиваю, — Николай Иванович на машине тебя, небось, отвезет?

— Нет, не отвезет. Не хочет, чтоб я ехала. А я пешком до автобуса дойду: подумаешь, пять километров!

Дала я ей свои ботинки, чтоб ноги не промочила, и отправилась она. В обед Николай Иванович забегал:

— Где жена?

— В Горбачи ушла.

Выругался он тут с досады.

— Хотя бы, — говорит, — ты ее, Анна Ивановна, убедила.

— Мне, — говорю, — это не под силу. Да и не знаю я, как лучше.

Вечером он сам поехал в Горбачи. А воротились вместе. Видно, смирился он, понял, что так и так не сладить. Сам на свиноферму ее отвел, сказал Кузьмичу:

— Вот тебе новая свиноварка.

Кузьмич и глаза вытаращил: как это, дескать, можно?

Катерина Алексеевна строго на него глянула:

— Объясните, какая моя работа.

Так и осталась на ферме.

Кузьмичу это не понравилось. Выпивал он крепко, а порядку на свиноферме не было. Свиноматки старые, приплод хилый, привесы малы. То корму в срок не подвезут, то прививки забудут сделать — падеж начинается. Свиноварки зерно потихоньку домой таскают, своим свиньям, а Кузьмич воровать им не мешает: сам не без греха — такими же делами занимается.

И вот в такую-то заваруху попала Катерина Алексеевна. И тяжело же ей пришлось, рассказать невозможно, до чего тяжело! Работа непривычная, не по ее силкам. Механизации никакой, все руками: и корм разнеси, и навоз выгреби, и корыта вымой; придет моя Катя с фермы — ни есть, ни пить ей не надо, рухнет на койку и лежит, будто неживая. Спрошу:

— Болит, может, чего?

— Все, — говорит, — Анна Ивановна, болит. А больше всего душа, что без пути колхозное добро переводится.

Николай Иванович покажется — она к нему:

— Зачем на ферме воров держишь?

Он то добром ее уговаривает: должна понимать, что не всякий на эту работу пойдет, может, другой-то еще пуце воровать станет, то прикрикнет: не мешайся не в свое дело.

Я разговоров ихних на люди не выносила, тебе, поди, первой рассказы-

ваю. Если ты писать станешь про Катерину-то Алексеевну, надо тебе всю правду про нее знать, до корня понять, какой она человек. А чтобы там с соседками про них судачить — сроду за мной этого не водилось, и любопытствовали люди, что, мол, да как, ну я этих сплетен не люблю, считаю распоследним делом.

Так и не знал никто про их семейную жизнь, пока сами они ссору свою не раскрыли. Случилось это на собрании, колхозники съехались с пяти деревень, и при всем народе Катерина Алексеевна и выступила.

Она уже к тому времени, небось, с полгода свиноваркой проработала, по привычке, и в колхозе стали ее уважать. Поначалу-то думали: так, влажит, не сегодня-завтра уйдет с фермы, а она себе работает, все одолевает, ни мозолей, ни насмешек не пугается. В город знакомым написала, книжек ей прислали разных, больше про свиноводство, но и других выписала — про молоко, и про огороды, и про кукурузу; мне давала читать и Николаю Ивановичу. Николай Иванович полистает, скажет: это надо агроному отдать или там зоотехнику. А она, бывало, за полночь свет не вы-

ключает, страницами шелестит да красным карандашом нужные строчки подчеркивает.

Зоотехник Шура Григорьева тогда только приехала после техникума... Теперь она замужем, детей двое и в институте заочно на третьем курсе учится. А тогда вовсе девчонка была. И привязалась эта Шура к Катерине Алексеевне, до того подружилась, прямо как ровни. Катерина Алексеевна ей свои книжки показывает, та свои приносит, то спорить примутся, то высчитывают чего-то вместе на бумаге. Одна кричит: это же тысячи! Другая: через несколько лет будут не

тысячи, а миллионы! И обе радуются, будто те миллионы у них в кармане лежат.

Однажды стоворились:

— Пойдем завтра к Николаю Ивановичу.

Я не утерпела, говорю Кате:

— Небось, еще сегодня увидите.

Она вскинулась на меня, подумала. У нее это привычка: всегда маленько помолчит, подумает, если какое серьезное слово собирается молвить.

— Что же,— говорит,— и верно. Расскажу я Коле сегодня про наши расчеты. А завтра мы все равно вместе с Шурой пойдем к нему в правление.

Вечером и начался у них с Николаем Ивановичем разговор. Начала я, правду сказать, не слышала; прихожу с вечерней дойки, а они оба уж распаленные, красные и разговор ведут отчаянно, на высоком градусе.

— Ты,— Николай Иванович шумит,— погубишь меня со своими глупыми проектами! «Тысяча свиней, две тысячи свиней!» Нападет чума — и нет твоих свиней, колхозу убыток, а мне тюрьма.

Катерина-то Алексеевна, вижу, дрожит вся, а сдерживается, тихо говорит, без крику:

— Никакой не будет чумы, если все исполнять по науке.

Долго они спорили, однако ни о чем не договорились.

Про что они на завтра с Шурой у него в кабинете говорили, не знаю, не слыхала, а на собрании сама была. У нас собрания случались раз или два в год, и ни о каких делах на тех собраниях не говорили, а только руки поднимали.

И тут доложил Николай Иванович, что и как в колхозе совершилось, и предлагает голосовать, чтобы одобрить. И уж хотели закрывать собрание, да вдруг встает Катерина Алексеевна.

— У меня еще есть вопрос — на счет свинофермы.

Николай Иванович маленько с лица изменился.

— Этот,— говорит,— вопрос обсудим на правлении.

Кузьмич вскочил.

— Как заведующий, объявляю, что на свиноферме порядок, и никаких вопросов нету.

Шум поднялся. Кто кричит: «Дайте сказать!». А кто: «Закрывай собрание!» Дали, однако, Катерине Алексеевне слово.

Вышла она на сцену, за край стола рукой уцепилась и про все безобразия откровенно высказалась. Что свиноматки старые, и хрюк непородистый, и как молодяк погибает от неправильного корму, и что зерно воруют. Люди с удивлением слушают. Как это, мол, жена мужа при всем народе расписывает, рассказывает, как ему обо всех скверностях докладывала, а он во внимание не взял.

Кончила она говорить, а в клубе тишина, все застыли и вроде еще какого слова от нее ждут. Тогда Катерина Алексеевна говорит:

— А про то, как можно дело на сви-

ноферме повести и как через это весь колхоз на богатую жизнь вытянуть, разъяснит вам зоотехник Александра Михайловна Григорьева.

И выходит на сцену Шура, становится на то самое место, где Катерина Алексеевна стояла. Девчонка-девчонкой, никто на нее прежде по-серьезному не глядел, а она как пошла высказывать, как пошла вычитывать — ну будто по газете, а не от себя! И так все выходит складно да ладно, и не хочешь, а веришь. И еще предложила Кузьмича с бригадирства снять и поставить на его место человека трезвого и преданного колхозному делу.

Что тут поднялось! Кузьмич кричит: за что, мол, меня обидели; дружки-собутельники за него заступаются, председатель собрания пробкой о графин стучит, бабы поднялись — на Кузьмича наступают: хватит тебе, дескать, колхозное добро пропивать. А многие по-другому говорили. И Катерину Алексеевну поняли, что не для корысти она старается, и Шурку защитили, и Николая Ивановича укорили; зачем таких, как Кузьмич, в бригадирах держит и фальшивым их голосам доверяется. Скажу тебе по правде, и я тут осмелела, выступила. У нас, говорю, на молочной ферме тоже не все ладно. Разве бы, говорю, такие были надои, если бы кормов заготовили вволю, а то кукурузу убирать в срок не успевали, померзла кукуруза, и свеклы два поля осталось под снегом. И опять же потому, что на бригадирских местах беззаботные да беспечные люди сидят, а председатель их тронуть боится. А бояться, говорю, нечего, праведные колхозники доброе дело всегда плечом подопрут и в обиду тебя не дадут.

И вышел у нас, милая моя, на том собрании настоящий переворот. Трех

бригадиров с постов тут же сняли, а других назначили, и Катерину Алексеевну поставили свинофермой заведовать. Николай Иванович против высказывался, неловко, дескать, и районное начальство не одобрит, в семейной корысти обвинит, а народ ему наперекор за Катерину Алексеевну проголосовал.

Как, говоришь, ее в председатели выбрали? С год она на свиноферме бригадиром была и все, про что они на собрании с Шурой говорили, в жизнь провела. Николай Иванович после собрания еще смиренней стал.

Дела было много, а шуму того больше. Старых свиноматок, как порешили на собрании, всех забили, а новых не сразу купили, подыскивали племенных, хорошего рода, и оказалась на сколько-то времени ферма наша мертвая, одни свинарники стоят, а животных нету. Сначала похвалили колхоз за то, что план по мясу перевыполнил, а после услышали в районе, что на свиноферме ни одной свиноматки не осталось, и на трех машинах к нам начальники пожаловали, столько их понаехало — ну будто кто из мешка высыпал. Ходят по ферме, на Николая Ивановича впереводку кричат: как допустил, партийный билет не оберегаешь, — и в райком приказывают ехать.

Николай Иванович пришел домой унылый, нос повесил.

— Всурут, — говорит, — мне, Катя, выговор за твои опыты, а то и хуже бы чего не было.

Она его успокаивает:

— Ничего, не бойся, вместе поедем.

И уж как он ни отнекивался, а поехали они вместе. Худого ничего не случилось, сумела, видно, Катерина Алексеевна доказать свою линию.

— Дают, — Катерина-то Алексеевна после рассказывала, — месяц сроку, чтоб свиноферму восстановить.

А она не то что Николай Иванович — не заробет.

— Вы, — говорит, — мне объясните, вам что желательно: чтобы только свины на ферме хрюкали или чтобы государству мясо было и колхозу доход? — И велела им приезжать через полгода.

Все это она по науке завела. Стал от свинофермы колхоз доходу получать больше, чем в прошлые годы от всего хозяйства выпадало.

Подходит опять выборное собрание. Николай Иванович что ни день в Горбачи ездит, все чего-то хлопочет, но возвращается недовольный.

А однажды принесла ему почтальонка письмо в толстом конверте. Вечером прочитал он его и принялся какую-то песенку насвистывать от хорошего настроения. Спрашивает меня:

— Катя где, опять в клубе?

— В клубе, — говорю. — Новую пьесу хочешь ставить.

Николай Иванович покривился, но смолчал.

Катерина Алексеевна теперь едва не каждый вечер в клубе проводила, и молодежь к ней очень льнула. Талант у ней на людей, подход она понимает, и люди к ней тянутся.

Вернулась она поздно. Встретил ее Николай Иванович против обыкновения ласково.

— Ты, — говорит, — Катя, ничем не догадаешься, какая у меня новость. Она глаза вскинула.

— Какая такая новость?

Он на меня покосился, но не удержался, стал рассказывать, что получил от друга письмо и обещает его друг устроить на хорошее место.

— Так что скоро, Катя, мы с тобой отсюда уедем.

Она брови свела, молчит. А он хмурости ее не замечает.

— Объясню, — говорит, — я на выборном собрании, что у меня радикулит, пусть выберут другого председателя, и уедем.

Тут Катерина Алексеевна стакан от себя отодвинула, на него глаза подняла.

— Можешь ехать вдвоем со своим радикулитом, а я за себя сама решу. Он голос возвысил.

— Чего ты, — кричит, — такая неуновная! То сюда ехать не хотела, теперь уезжать не соглашаешься.

Настало выборное собрание. Отчитался Николай Иванович и просит:

— Не выбирайте меня больше, товарищи колхозники, на председательскую должность, потому как у меня радикулит и я должен лечить его в городе у хороших докторов.

Встает Шура Григорьева, зоотехник, и говорит:

— У меня вопрос к Катерине Алексеевне. Или она тоже думает с мужем уехать, или у нее свои планы?

— Нет, — Катерина Алексеевна говорит, — я из Лозиновки не уезжаю.

И тут сразу в несколько голосов закричали:

— Катерину Алексеевну в председатели! Селиванову!

Вышла она на сцену, поклонилась народу.

— Спасибо, — говорит, — за честь. Если выберете, буду верно служить людям и колхозу.

Вот так мы ее и выбрали. Пятый год председательствует. Николай Иванович поначалу-то наезжал, хвалился, что хорошо пристроился и квартиру получил, и с собой Катю сманивал. Плакала она потихоньку, то ли любовь у нее в сердце к нему сохранилась, то ли о себе горевала, что в сорок лет одинокой остается. А все же не поехала. После написал он ей, что женился, и больше не приезжал. На областном совещании, говорила Екатерина Алексеевна, виделись, да какая ей от того радость.

Слышала, говоришь, что веселая она? Ну, как сказать... Она не веселая, а бедовая, колкое слово не сробет сказать, вот люди другой раз и посмеются. И горюнятся, правду сказать, не любят. Иной раз я запечалюсь, так она мне:

— Брось, Анна Ивановна, головой никнуть, горюна и цыпленок закроет. Оно и верно. Правильное слово про нее Николай Иванович тогда сказал: «неуновная». Такая уж она — без меры работает, себя людям отдает.

Снег скрипит. Никак она идет? Она и есть, ее шаги, я уж знаю. Щи-то горячие ли, пойду угольки разгребу. А ты уж не торопи ее, разговорами сразу не томи, пусть сначала поест да от дневных дел опомнится. А тогда уж и поговорите...

— Кому еще блинков?

— Кому еще сметанки? Тетя Лена пекла, вку-у-сные!

Ребята уплетают блины, вычерпывают из тарелок сметану. Мордочки розовые, толстенные, не ущипнешь.

— Жаль, что не с привеса получаем,— шутит вторая повара, Александра Проскурина.

После завтрака и старшие, и средние, и малыши с игрушками или книжками идут на воздух, на траву, под деревья.

Лето в детском саду колхоза имени В. И. Ленина, Кирсановского производственного управления, Тамбовской области, ознаменовалось важным событием. В большой детский коллектив пришли еще 38 ребятишек-ясельников. На центральной усадьбе не осталось мам, вынужденных домоседничать: в любую пору года они могут спокойно пойти в поле, в сад, на животноводческую ферму...

Колхозный детский сад открыт круглый год. Дети приходят сюда десятилетиями малютками, а уходят в школу семивосьмилетними гражданами. Воспитание подрастающего поколения в коллективе — здесь прекрасная многолетняя традиция. В колхозном детском саду росли когда-то теперешние папы и мамы, старшие братья и сестры — те, кому сейчас уже за тридцать.

В колхозе никого не нужно убеждать в преимуществах организованного дошкольного воспитания ребят. Эти преимущества очевидны. Они ежедневно, ежечасно благотворно сказываются в хозяйственной и культурной жизни, в труде и быте...

* * *

Голос низкий, требовательный спрашивал:

— Почему работать не вышла?

— Ребят не на кого оставить.

— Свела б к свекрови.

— На нее не надеюсь: в ссоре мы, да уж и стара она, не доглядит...

— Да, женщина с детьми, особенно если без матери или свекрови, словно за подол к дому пришита,— вздохнула Любовь Андреевна Ломовцева, председатель женского совета колхоза «Вперед к коммунизму». И добавила: — Таких у нас человек шестьдесят наберется. Сто двадцать рабочих рук!

Женщины, собравшиеся в комнате правления, зашумели, перебивая друг друга:

— Есть такие, что из-за детей и в колхозе никогда не работали. Взять хотя бы Александру Кондакову!

— А делаем что? Соседям завидуем...

— До пятьдесят пятого-то были ясельки. Потом детскую избу под читальню отдали, а теперь уж там курятник!

— Сами виноваты: как надо, не требуем! Председатель-то наш новый, Морозов Борис Васильевич, не против вроде...

Колхоз «Вперед к коммунизму» был первым, где на вопрос, есть ли в хозяйстве детский сад, мы услышали: «Нет».

Сожаляющее, горькое, упрекающее руководителей, извиняющееся или оправдываемое множеством причин, но все то же «нет» мы, к сожалению, услышали и в колхозе «Боевой Октябрь», и в колхозе «Страна Советов», и в колхозе «Заветы Ильича», и в колхозе «Прогресс», и в колхозе «Памяти Кирова», и во всех других хозяйствах Кирсановского управления, на всем пути нашего рейда.

Детских садов, которые бы действовали круглый год или его большую часть, ни в одном из 280 коллективных хозяйств области, кроме колхоза имени В. И. Ленина, нет. Сезонные летне-осенние площадки открываются лишь в 70 хозяйствах, да и то далеко нерегулярно.

* * *

В колхозе «Прогресс» нам сказали: нужно же дом строить, а с деньгами туговато.

Мы заинтересовались, что будет строить «Прогресс» в 1963 году и как расходуются здесь общественные фонды. Со всей точностью о будущем строительстве рассказала бухгалтерия. Запланированы расходы на:

коровник стоимостью в 37 тысяч рублей,

механическую мастерскую — в 11,6 тысячи,

свинарник-маточник — в 11,5 тысячи,

ягнятник — в 5 тысяч,

кузницу — в 3,5 тысячи,

водопровод — в 5 тысяч.

Всего на сумму 95 тысяч рублей.

О животных в колхозе не забыли, не забыли о машинах, выделили средство на благоустройство кладбища. Все это

хорошо, конечно, все это нужно. Но забыли только о самом дорогом — о детях. Ни копейки не потрачено на нужды детей и из культурного фонда, хотя он на треть не израсходован и составляет примерно 4 тысячи рублей в год. Скажем для сравнения, что финский домик, который очень хорош для сельского детского сада, стоит около трех тысяч рублей. Расход для каждого колхоза посильный. Да и покрывал бы он быстро за счет труда освободившихся матерей.

Но почему же до сих пор по-настоящему не задумались обо всем этом сами женщины, колхозный женский совет и, казалось бы, опытная общественница, его председатель, депутат районного и сельского Совета Анна Ивановна Туманова?

* * *

В «Боевом Октябре» нашему приезду удивились: какой сейчас детский сад? Рано еще. Вот когда взойдет свекла, тогда и откроется детский сад!

— А сейчас,— кладовщик многозначительно потряс связкой ключей,— сейчас домик-то просом занят.

Трудно переоценить значение для села летних дошкольных площадок. Площадки освобождают трудоспособных женщин для работы в горячую пору ухода за урожаем и его уборки. Это — самое главное. Но не менее важно и то, что на площадке малыши попадают в коллектив, где их воспитывают, о них заботятся. Однако летние площадки открываются только на время полевых работ. Кончается страда — закрывается площадка.

А в иных хозяйствах и такого нет. В разгар полевых работ в колхозе «Памяти Ленина», например, матери отдают ребятишек под «присмотр» совершенно немоющим, престарелым людям. Где уж тут режим дня, элементарная гигиена!

Но одна найдет такую «няньку», другая же решит: лучше отсижу дома. А колхоз в это время, к примеру «Памяти Кирова», нанимает для работы в поле людей со стороны.

Случается и другое. В деревне Хмелинка организовали детский сад. За счет колхоза приобрели инвентарь, белье, кровати, организовали кухню. Просуществовала же площадка всего две недели.

Закрылись хорошо оснащенные площадки и в Матинке и в колхозе имени Чапаева. Матери не ведут своих детей. Имущество растеряно, а помещение используется для других целей. В чем же дело? На наш взгляд, в плохой воспитательной работе среди женщин. Если бы перед открытием площадки матерям рассказали, показали, одним словом, убедили бы их, насколько лучше детям в коллективе, ни одна из них не отказалась бы от услуг площадки.

Есть и специалисты, подготовленные для работы в детских садах. В Кирсановском управлении ежегодно работают курсы заведующих детскими садами и воспитателей. Однако эти кадры не используются по назначению. Из 23 специалистов райсна по дошкольному воспитанию лишь единицы время от времени работают на сезонных площадках.

Упрекать в забвении интересов детей одних только руководителей хозяйства было бы неправильно. В серьезной критике нуждаются отделы народного образования области, которые не прививают на селе вкуса к работе с дошкольниками. Не привлекаются к ней ни местные учителя, ни комсомольцы, ни пионервожатые, ни школьники. А ведь школьники под руководством взрослых с удовольствием бы подготовили свою территорию для приема маленьких гостей.

Во многих школах летом тоже можно было бы организовать площадку для малышей.

В «Заветах Ильича» председатель заверял нас, что так оно и будет. Но когда мы пришли в одну из трех школ, находящихся на территории колхоза, учителя, работающие здесь около 30 лет, задумались.

— Возражать против детской площадки трудно. Но ведь у нас 16 ульев. Пчелы детей заедят...

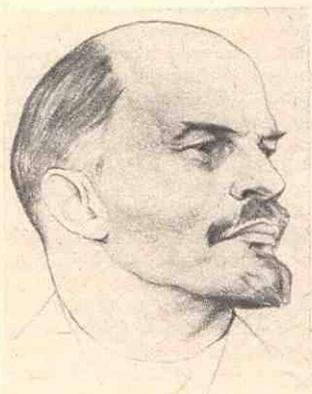
Пассивна и женская общественность. Женские советы не идут дальше решений о создании детских дошкольных учреждений. Такие решения неоднократно принимались почти в каждом колхозе. Но практические действия равны нулю.

Один постоянно действующий колхозный детский сад на всю область! Не тревожный ли это сигнал для Тамбовского областного сельского обкома КПСС и облбисполкома?

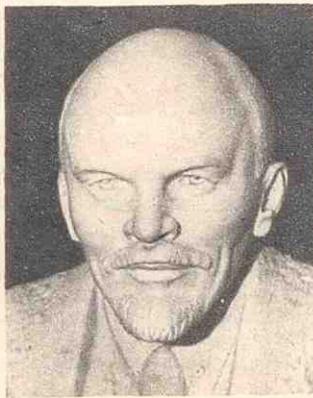
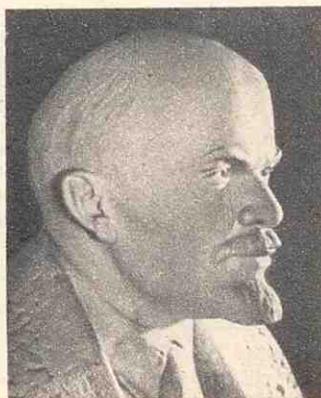
Рейдовая бригада «Крестьянки»: Е. ЛЯПУНОВА, председатель женсовета колхоза имени В. И. Ленина; Н. МАРТЫНОВИЧ, сотрудник кабинета дошкольного воспитания Тамбовского института усовершенствования учителей; Г. СОРОКИНА, корреспондент «Крестьянки».

УЧИТЕСЬ ПОНИМАТЬ ИСКУССТВО

ПОРТРЕТ

Натурный эскиз, сделанный однажды художником Н. Андреевым.

Ставя перед собой различные задачи, скульптор по-разному изображает В. И. Ленина, создавая то интимный, бытовой портрет, то героический.

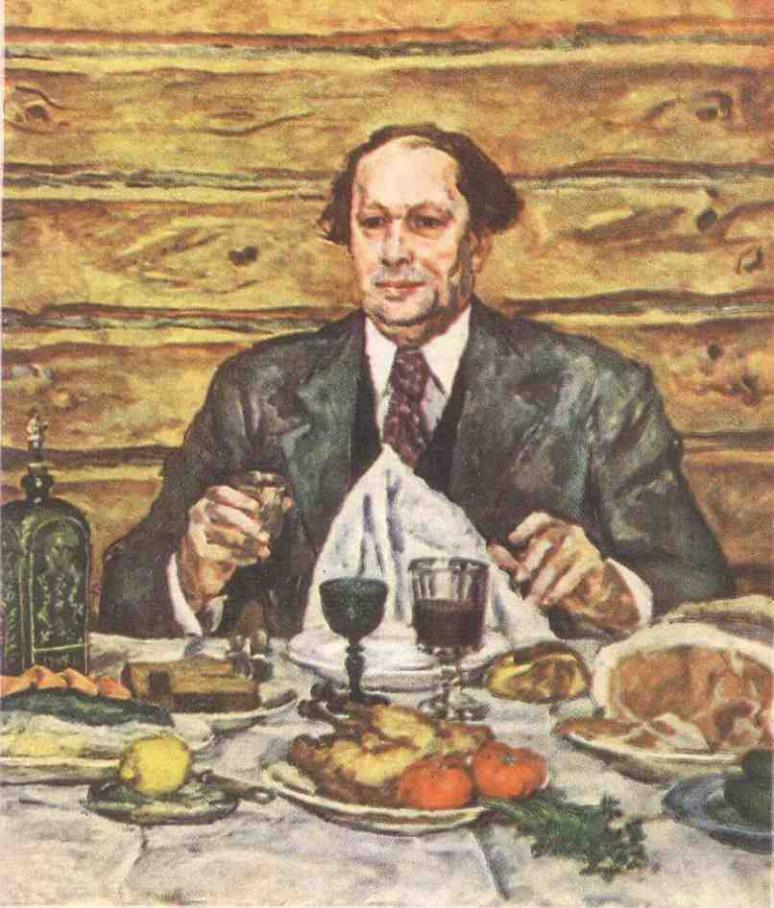
Окружающий нас мир разнообразен. Мы видим тысячи различных вещей: дома, поля, людей, машины, леса, небо... Понятно, что и искусство, отражающее мир, тоже разнообразно. Со стен музеев или со страниц иллюстрированных журналов на нас глядят то изображения берез, то сценка ужина трактористов, то портрет человека. Причем мы часто замечаем, что одни и те же предметы бывают написаны в разных картинах по-разному. Например, если изображено какое-нибудь событие — допустим, составление заповорочками письма турецкому султану (вспомните знаменитую картину Репина), — то одно из действующих лиц может быть повернуто к зрителям спиной. Если же художник пишет портрет и даже не одного, а нескольких лиц, то ему, конечно, никогда не придет в голову сажать какого-либо человека к себе спиной. Если в картине человек может быть показан жестикулирующим, работающим, бегущим и т. д., то в портрете он большей частью запечатлен в спокойной позе. Художник может написать на холсте только лес или поле, при этом он все свое внимание сосредоточивает на изображении деревьев, цветов, колосающейся ржи и старается передать «настроение», красоту или величие природы. Но если то же поле или лес служат лишь фоном, на котором разворачивается какое-либо действие с участием людей, то природа бывает написана более обобщенно, а ее «настроение» всегда зависит от поведения людей: или соответствует переживаниям людей, или контрастирует с ними для того, чтобы подчеркнуть настроение и действия людей, потому что они являются главными в картине, а природа — второстепенной.

Подобные особенности позволили объединить различные художественные произведения в большие группы на основе темы и сюжета произведений. Такие группы получили название жанров искусства. «Жанр» — слово французское, и означает оно примерно то же, что наши слова

«тип», «род». Основные жанры изобразительного искусства: тематическая картина, которая может быть бытовой или исторической, портрет, пейзаж, натюрморт («мертвая натура» — изображение вещей, посуды, кушаний, убитой дичи и т. д.), анималистический жанр (изображение животных). Каждый из этих жанров имеет, в свою очередь, более мелкие подразделения как по признакам изображаемых предметов, так и по манере выполнения. Портрет, например, может быть бытовым или героическим. Пейзаж может быть изображением земли с ее деревьями, реками, горами и т. д. (он обычно называется просто «пейзаж»), но может изображать и море (такие пейзажи называются «маринами»), городские сооружения (архитектурный, или, как говорят, урбанистический пейзаж).

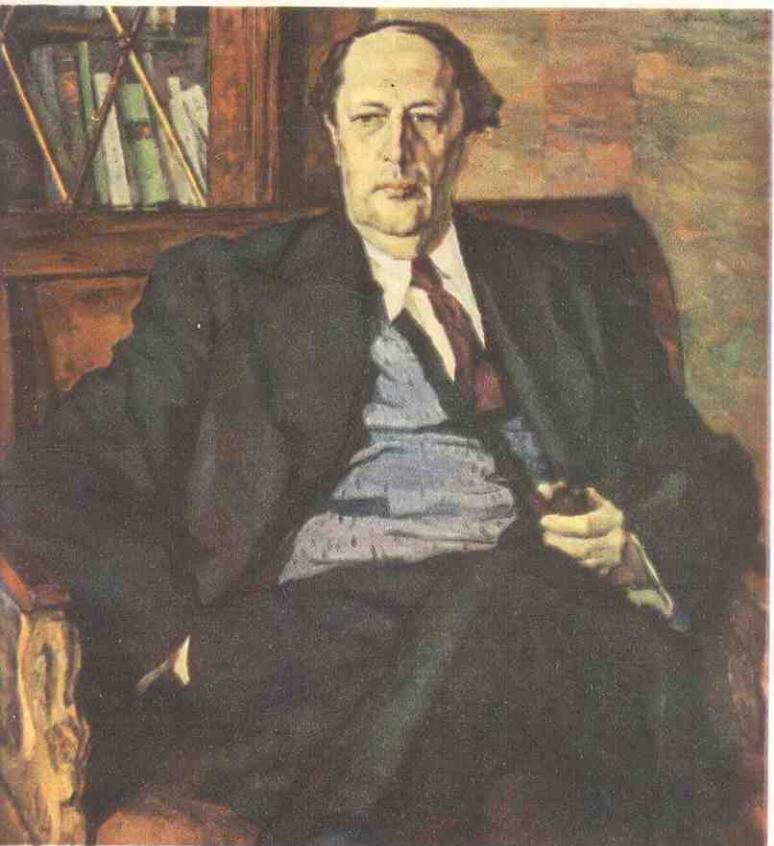
Кроме жанров, существует деление искусства по видам: скульптура, живопись, графика, монументальное искусство, декоративно-прикладное искусство. Эти классификации по жанрам и по видам не заменяют друг друга, а, так сказать, проникают, пересекаются друг с другом, потому что они основаны на разных признаках. Пейзаж, например, может быть в живописи, графике, монументальном и в какой-то степени даже в прикладном искусстве, но зато в скульптуре он встречается крайне редко и, собственно, не как пейзаж, а в виде отдельных элементов природы: дерева, цветка и т. д. То же самое можно сказать и о натюрморте. Зато портрет встречается почти во всех видах искусства, причем в скульптуре он наиболее распространен.

Сегодня мы познакомимся именно с портретом — одним из самых древних жанров искусства. Он на несколько тысячелетий старше других жанров. Еще в глубокой древности люди хотели запечатлеть для себя или для своих потомков неповторимый индивидуальный характер той или

П. КОНЧАЛОВСКИЙ.

ПОРТРЕТ А. ТОЛСТОГО.
(Фрагмент)

П. КОРИН.

ПОРТРЕТ А. ТОЛСТОГО.

иной личности. Известны скульптурные древнеегипетские и древнегреческие портреты. Иконопись в сущности своей тоже была портретным искусством.

Художников долго занимала лишь внешняя достоверность, «похожесть» портрета и даже некоторая его украшения. В XVII—XVIII веках и начале XIX века это привело к распространению так называемых «парадных» портретов, в которых заказчики их выглядели необычайно красивыми, величавыми и благородными.

Даже прославленные художники иногда несколько идеализировали портретируемых. Известно, что Пушкин сказал о превосходном портрете, написанном Кипренским:

*Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.*

Художник стремился создать идеальный образ вдохновенного поэта-лирика. Недаром фоном для этого портрета служит небольшая статуя античного поэта-певца с лирой.

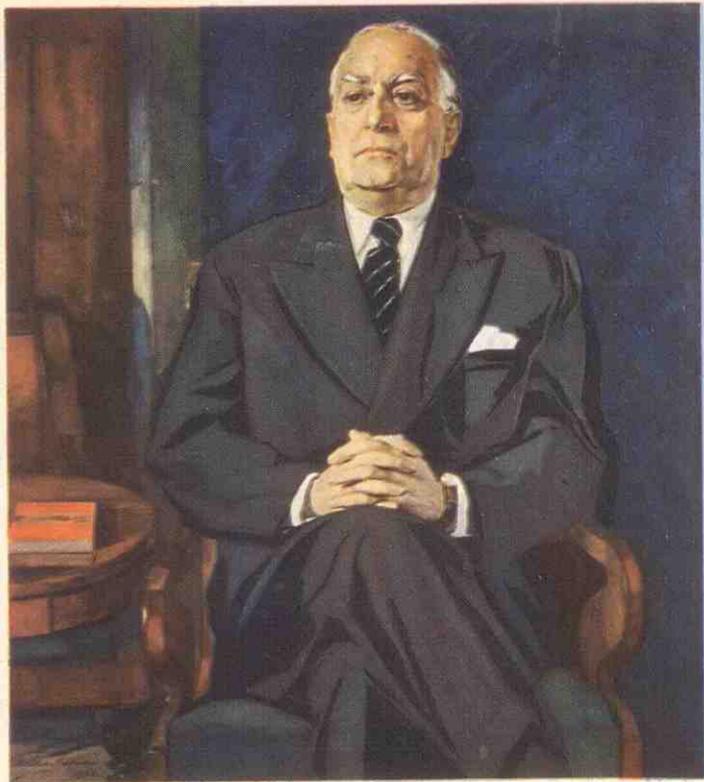
Все, что нужно сказать художнику, он должен выразить в линиях глаз, рта, носа, уха. Но часто, хорошо зная портретируемого, его характер, его «душу», художник стремится резко подчеркнуть какие-то черты лица, чтобы наиболее рельефно «раскрыть» характер. Когда Микеланджело писал портрет одного из римских пап, человека, не отличавшегося высокими моральными качествами, ему заметили, что он несколько преувеличил нос портретируемого. Он ответил: «Через триста лет это будет совершенно неважно. Зато здесь верно передан характер». И действительно, для нас сейчас совершенно несущественно, короче или длиннее был нос у этого папы, но разоблачительная сила портрета воспринимается чем дальше, тем все острее и глубже.

Портретист все время находится в очень жестких рамках: с одной стороны, он должен создать произведение, максимально похожее на оригинал, а с другой — с наибольшей полнотой выразить характер. Для выполнения первого условия ему нужно быть как можно ближе к натуре, а для второго он вынужден иногда отойти от натуры — что-то усилить, сделать резче, рельефнее, а что-то, наоборот, отбросить, затусшевать.

Кипренский несколько идеализировал образ Пушкина. Вправе ли он был сделать это? Здесь мы сталкиваемся с очень сложной проблемой отношения художника к своей модели. По-видимому, художник так воспринимал Пушкина, и это — его право. Но что больше интересует зрителя — субъективное восприятие художника или объективная правда образа? Вероятно, последнее важнее. Очевидно, портретист должен быть в какой-то мере беспристрастным. Он должен раскрыть все хорошее и все плохое, но окончательный суд предоставлять зрителю.

В этом отношении интересны два почти одновременных портрета писателя Алексея Толстого, созданные такими разными художниками, как Кончаловский и Корин. На портрете Кончаловского Толстой сидит за столом, уставленным разнообразной снедью, и поднимает бокал с вином. Толстой предстает перед нами как человек широкой души, как жизнелюб. Этот портрет написан вольно и звонко, удалой кистью. Он радуется глаз своими яркими, смелыми, сочными красками. Все это очень близко натуре самого Кончаловского, всегда писавшего ярко, весело, утверждавшего значимость и красоту материального мира, умевшего открыто радоваться солнцу, вину, красивому лицу, обильной еде, тяжелой старинной посуде, бликам света на здоровом, сильном теле. Это художник земной красоты мира, и все особенности его творчества и его мироощущения отразились в портрете Толстого.

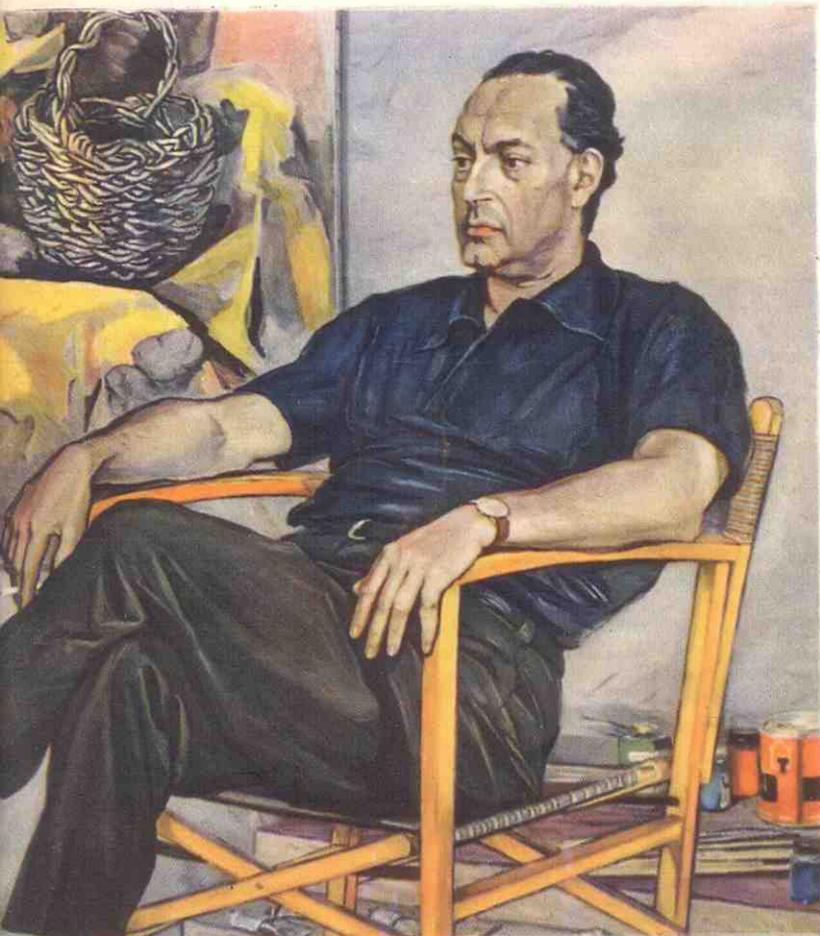
Совершенно иной портрет Корина. Здесь все внимание сосредоточено на лице, а «размахистость» и широта натуры показаны лишь мимоходом в несколько небрежно надетой, но весьма добротной одежде Толстого — складках галстука и кофты, высунувшемся воротничке сорочки. Образ, созданный Коринным, гораздо богаче духовно. Толстой у него прежде всего мыслитель. Художнику хотелось передать, как он говорил, «аристократа духа». Поэтому он сконцентрировал свое внимание на лице с большим лбом и мясистыми, но благородными чертами. Здесь гораздо более строгая и уравновешенная композиция (расположение отдельных частей картины и цветовых пятен), неяркий, скромный колорит. Толстой внимательно

ПОРТРЕТ Р. СИМОНОВА

П. КОРИН.

ПОРТРЕТ РЕНАТО ГУТТУЗО.

глядит на мир, но отнюдь не «широко открытыми глазами». Его взгляд — это пристальный взор исследователя, но веки его чуть-чуть опущены, он что-то прячет в себе и вовсе не стремится «широко» и «разгульно» отдать это что-то всем и каждому. Он даже вроде бы чем-то обеспокоен, и мы чувствуем, что его «открытость», жизнелюбие, буйность, широта, хорошо известные по воспоминаниям современников, на самом деле были в какой-то мере игрой, чем-то внешним. Портрет Корина требует большого раздумья зрителя. Конечно, этот портрет тоже в какой-то степени выражает и самого художника: ему ближе именно такой, более спокойный, серьезный, но в то же время и внутренне неуравновешенный Толстой, с напряженной работой мысли, с затаенными думами, чем тот вольный «русский барин», которого увидел Кончаловский. Но при всем выражении личного отношения Корин как художник в данном случае более объективен. Он не навязывает зрителю своего отношения, а как бы говорит: «Подумай и разберись сам». А Кончаловский предлагает нам уже готовое решение.

Итак, одного и того же человека разные художники могут увидеть по-разному. Ну и что же, скажем мы, ведь человек не всегда один и тот же. Один увидел, допустим, некоего Иванова, когда он обедал или играл в футбол, а другой — когда Иванов работал или читал книгу. Так что же, художник, изобразивший Иванова бегущим за мячом, будет неправ? Как будто это рассуждение закономерно, но дело здесь гораздо сложнее. Ведь портрет — это не моментальная фотография. Художник дает не мимолетное, а глубокое, концентрированное выражение сущности человека. Он может изобразить Иванова в самой спокойной позе, но зритель должен почувствовать, что этот человек может и увлекаться спортом, и вдумчиво читать, и хорошо работать. Нужно уметь рассказать все или как можно больше о человеке, и рассказать максимально экономно. Рассказать так, как говорил Чехов, «чтобы словам было тесно, а мыслям просторно». Да и рассказать-то нужно не обычными словами, а языком живописи, то есть цветом, светом, линиями, формами, композицией.

Этот сложный процесс художественного обобщения и концентрации хорошо можно проследить, познакомившись с работой замечательного скульптора Н. Андреева над образом Ленина. Андреев был одним из тех немногих художников, которые имели возможность лепить и рисовать Ленина с натуры, когда Владимир Ильич работал, выступал с речами, слушал ораторов, спорил, отдыхал и т. д. Все это явилось тем подготовительным материалом, на основе которого Андреев создал свою знаменитую «Лениниаду» — серию скульптурных портретов Ленина. Попробуем сравнить эти подготовительные натурные эскизы с законченными работами.

Вот один из бюстов. Характерный ленинский прищур, чуть намечившаяся улыбка. Все черты даны мягко, плавно. Это — максимально точное и вместе с тем обыденное изображение Ленина. Смотря на него, мы, собственно, не можем сказать, кто перед нами: мыслитель, вождь или просто хороший, приятный, насмешливый собеседник. Скульптору важно было запечатлеть обычный облик Ленина, и только.

Посмотрим теперь на бюст, выполненный уже как портрет. Здесь, как и в других работах, Андреев сумел раскрыть удивительное богатство ленинской души. Глядя на этот скульптурный портрет, поражаешься, как при малейшем повороте выявляются все новые и новые черты облика Ленина. Вот он будто бы прячет улыбку в усы, прищурил левый глаз. Это выражение наиболее близко подготовительному этюду. Но стоит посмотреть на портрет с чуть-чуть иной точки зрения — и в центре внимания оказывается упрямая линия подбородка, поразительная зоркость ленинских глаз. Еще поворот — и видишь выражение внимательности, заботы и как будто некоторой усталости на лице. Наверное, именно таким был Владимир Ильич, когда разговаривал в конце рабочего дня с людьми из народа, с «ходоками», — отнюдь не сусально-внимательным, показательно-заботливым «добрым дядюшкой», каким он предстал позже на полотнах иных живописателей, никогда не видевших живого Ленина, а именно таким, как изобразил его Андреев: проникающим в душу, уменьющим подбородок и вселить в человека веру в свои силы, но в то же время и немного утомленным работой, прекрасно сознающим, что еще «очень много раз-

ных мерзавцев ходят по нашей земле и вокруг», как говорил Маяковский, и всех их «скрутить ужасно трудно».

Завершает «Лениниану» статуя «Ленин-вождь». Скульптор воплотил в ней государственную силу, мощь и непреклонность руководителя масс. Фигура чуть устремлена вперед. Движение подчеркнуто откинутой полкой пиджака. Правая рука, которая в скульптурном портрете пишущего Ленина, казалась, трепетно и стремительно водила пером по листам бумаги, здесь дана в сильном, твердом, утверждающем жесте. Голова слегка откинута, подбородок выдвинут вперед, а черты лица проработаны совсем иначе, чем в натурном этюде. Нет ни улыбки «с лукавиной», ни сощуренного глаза.

Так, ставя перед собой различные задачи, скульптор прибегает к различным способам их воплощения, создавая то более интимный, то героический портрет. Вот в этом и проявляется процесс отбора, художественного обобщения, концентрации внимания на главном, решающем, когда отсекается все несущественное, второстепенное, будничное, но зато подчеркивается и художественно заостряется самое важное, определяющее.

Однако, как мы уже говорили, у этой концентрации и художественного обобщения есть определенный и важный предел, переступить который художник-реалист не должен. Этот предел — необходимость создать произведе-

Сравните портрет женщины, с которой Суриков писал боярыню Морозову, и голову Морозовой из уже законченной картины.

ние, похожее на оригинал. Художник, пишущий тематическую картину, в этом отношении гораздо свободнее. Он тоже пишет отдельных лиц с натуры, но картина никогда не является портретом натурщиков. Натура служит ему лишь как отправная точка для дальнейшего усиления определенных черт. Так, например, Репин в поисках образа царевича Ивана для своей известной картины «Иван Грозный и его сын» использовал как натуру писателя Гаршина. Но это, конечно, не значит, что царевич Иван, умирающий на руках безумевшего Грозного, является портретом Гаршина. Наоборот, он очень отличен от него. Точно так же Суриков долго искал типаж для изображения женщины, одел ее так же, как предполагал одеть Морозову, посадил в ту же позу и сделал с нее портрет. Но это было лишь началом работы над образом. Если сравнить этот портрет и изображение Морозовой, то видно, что художник сделал более прямой нос, чем у натуры, низко надвинул брови, покрыл щеки болезненным, лихорадочным румянцем. По сравнению с портретом глаза у Морозовой посажены гораздо глубже, рот открыт, словно в крике, нервно раздулись ноздри. Черты мученичества и фанатизма, лишь проступавшие в портретном этюде, здесь получили явное и сильное выражение.

Таким образом, художнику, пишущему картину, в какой-то мере «легче». Он может произвольно изменить натуру для более полного выражения идеи. Портретист

не имеет на это права: он «связан» необходимостью «похожести» портрета. Как же ему выразить то более глубокое и разностороннее знание характера, которым он обладает, причем выразить так, чтобы зритель сразу же «прочел» эту глубину? Ведь в раскрытии содержания, духовного мира, характера человека и состоит задача портрета. Эта задача решается только одним способом — как можно более полным использованием всего арсенала средств, которым обладает изобразительное искусство. Выдающимися мастерами показали себя в портретном искусстве Рембрандт, Репин, Серов, Нестеров и другие художники. Они создали необычайно глубокие по раскрытию «души» человека портреты. Одним из замечательных портретистов нашего времени является уже упомянутый Павел Дмитриевич Корин, удостоенный Ленинской премии за серию портретов современников: артиста Р. Н. Симонова, художников М. С. Сарьяна, Ренато Гуттузо — и группового портрета Кукрыниксов (М. В. Куприянова, П. Н. Крылова, Н. А. Соколова).

Портреты, отмеченные премией, созданы в разное время. Симонова и Сарьяна — еще в 1956 году, Кукрыниксов — в 1958-м, а портрет Гуттузо появился на выставках всего около года назад. Но есть в них что-то общее, что заставило выделить эти четыре вещи из всего многообразия коринских работ. Это общее — мастерская передача творческой сущности каждого из портретируемых. Все это люди вдохновенного труда, больших раздумий о жизни, творческого горения и высокого долга. Для них искусство — это цель и смысл жизни, постоянные поиски, верность своим идеалам, выражение в творчестве дум и чувств народных.

Каковы же особенности коринских портретов? Павел Дмитриевич почти никогда не пишет только лиц или грудных портретов. Он обычно передает человека целиком: не только лицо, а и фигуру, руки, позу, частично и окружающую обстановку. Поза и жест у Корина часто значат не меньше, чем лицо, — они раскрывают человека. Когда однажды у Корина спросили, что главное в его портретах, он ответил: «Осанка духа». То есть самое важное — это передача именно «души», характера портретируемого. А этот характер проявляется даже в том, как люди сидят, стоят, ходят, складывают руки и т. д. Корин большей частью пишет сидящих людей, стоя он изобразил только Горького и Качалова. Но ведь и сидеть можно по-разному. Взгляните на Ренато Гуттузо. Он находится внешне в очень спокойной позе, но сам легкий плетеный стул под ним создает какое-то почти неуловимое настроение некоторой зыбкости, непрочности, постоянной неуравновешенности. Вместе с тем этот простой стул и простая одежда Гуттузо подчеркивают его демократизм, близость к народу. А резкий цвет этого портрета со смешением желтого, коричневого, синего! Или будто алые и синие молнии, прорезывающие портрет Кукрыниксов! Какое настроение напряженности, внутреннего горения создает само цветосочетание в портретах Корина!

Художник использует средства композиции, соотношение фона и фигур. «Порывистости» Сарьяна противопоставлен спокойный, простой фон. Наоборот, со спокойной позой Гуттузо контрастируют резкие, яркие тона его одежды и фона. Художник как бы отодвигает Гуттузо в глубь полотна, показывает целиком, а Сарьяна, наоборот, приближает к зрителю, изображает более крупно. И все это делается художником не «просто так», а именно с целью раскрыть глубину духовного содержания портретируемого, показать его характер, в одних случаях неровный, мятущийся, сильный, в других — спокойный, легкий, светлый. Вот в этом и состоит задача портретиста: то, что он не может передать одним лишь выражением лица, он раскрывает позой, жестом, спокойным или резким сочетанием цветов, уравновешенностью или «беспокойством» композиции, соответствием или контрастом отдельных частей картины и т. д. Так, превосходно владея всеми средствами живописи, великолепно и полно используя ее язык, истинный художник добывается полноты и глубины в раскрытии образа, проникновенно и тонко рассказывает нам о внутреннем мире человека, не нарушая вместе с тем и его сходства с оригиналом.

Таковы некоторые особенности древнего и очень трудного вида искусства — искусства портрета.

Н. ВОРОНОВ

ТАК ПРИХОДИТ ЗРЕЛОСТЬ

Валя Хлюстова, наверное, никогда не забудет то безветренное зимнее утро. Степь. Небо будто побелели жидко разведенной известкой. Машина торопко бежит по степной дороге. Вот наконец животноводческие постройки, контора седьмого отделения. У входа толпится народ. В память врезались настроженные взгляды. Выбираясь из машины, за что-то зацепилась юбкой, поймала усмешки: что взять, мол, с нее?

Сработается ли она с людьми? Приживется ли здесь? Одно дело — зоотехник по племенной работе. Другое — управляющий отделением. Да каким! Полторы тысячи голов крупного рогатого скота, тридцать тысяч кур, тысяча гектаров пашни. Есть даже свой кирпичный завод.

Незадолго перед этим директор совхоза Боев вызвал ее к себе.

— Вчера целый день коровы не кормлены. Не знаю, что и делать!..

И Валя впервые заметила, что Иван Дмитриевич Боев уже седоват, что у него усталые глаза. И, наверное, не легко ему. Видно, он и в самом деле не знает, кого назначить управляющим седьмым отделением. И все это так не вязалось с Валиным представлением о директоре как о человеке, не знающем ни сомнений, ни переживаний, что ей стало неловко, словно она подсмотрела чужую тайну.

— Конечно, поеду, — согласилась она.

Валя не рассчитывала на легкое. Но и такого не ожидала. За одну неделю перед ее приездом в отделение пало восемь телят. Зашла в телятник. Огромный старый сарай со щелями в ладонь, с выбитыми стеклами. Грязь, сырость. В кормушках — объедья. Жмутся друг к дружке худые, дрожащие телята.

С чего начинать, куда кинуться?

«Не паникуй, — уговаривала она себя. — Ты не одна. Есть же на отделении стоящие люди. Не может быть, чтобы они окончательно смирились с тем, что дела так плохи».

На первом же собрании пожилой веттехник Пичугин предложил:

— Телят надо перевести в новое помещение. Можно освободить один сушильный сарай кирпичного завода и переоборудовать под телятник. А старый телятник отремонтировать.

— А как же с сушкой кирпича? — спросила Валя.

— Так ведь сейчас завод работает не на полную мощность. Хватит и одного сушильного сарая, — пояснил Пичугин. Испытующе посмотрел на Валию. — Конечно, в дирекции на такое могут и не согласиться. Однако другого выхода я не вижу.

Валя твердо решила:

— Будем освобождать сарай.

— Круто береге. Смотрите, как бы чего не вышло, — предупредил ее отделенческий агроном Николай Сухорученко, когда собрание закончилось.

В этом беликовском «как бы чего не вышло» Валя почувствовала скрытую угрозу.

Поехав на другой день «выбивать» горбыль, нужный для того, чтобы переоборудовать сушильный сарай, она получила «разнос». Горбыль ей не дали и категорически запретили перевозить телят в сушильный сарай.

Кинулась к Боеву. Стала жаловаться, что им мешают.

— Мы решили, мы и отвечаем!

— Значит, «мы решили»? — переспросил Боев.

— Мы! — выдохнула Валя, уловив в голосе директора теплые нотки.

— «Мы» — это хорошо, — улыбнулся директор. — Переоборудуйте. Только чтоб план по кирпичу не сорвали. Тут уж отвечать лично тебе, товарищ управляющий!

Три дня кипела работа в сушильном сарае. Сделали перегородки, кормушки. Огородили выгульный двор. В новом помещении отделили слабых телят, стали подкармливать их обратом и концентратами. Через несколько недель телят было не узнать.

Так отделение сделало первый шаг из прорыва. Надо было наладить трудовую дисциплину, добиться, чтобы не было прогулов. Как-то пришла Валя в коровник. Дойка уже началась. Видит: две группы стоят без хозяек. Недолго думая, взяла подойник и начала доить сама. Через полчаса услышала за спиной осторожное покашливание. Обернулась. Молодая женщина неловко переминалась с ноги на ногу. Молча уступила ей Валя место и, ни слова не говоря, ушла. И случилось то, чего не мог добиться прежний управляющий самыми строгими приказами: опозданий на дойку не стало.

Работая не покладая рук, требовала того же от своих помощников: агронома, бригадиров, завхоза. И, что греха таить, не всем сразу пришлось по сердцу новый управляющий. А с агрономом Сухорученко пришлось распрощаться.

— Сухорученко, почему трактористы пащут мелко? — спрашивала его Валя.

— Да ругаю я их — не слушают. Голос сорвал. Что мне, больше всех надо? — И смотрел куда-то поверх Вали равнодушными глазами.

Валя безнадежно махала рукой и бежала в поле. Совестила бракоделов, бригадира механизаторов.

Как-то остановил ее Григорий Яковлевич Чепелев.

— Сегодня партсобрание. Приходите.

Вечером в красном уголке держала Валя ответ перед коммунистами отделения.

— Вы почему не ставите вопрос пе-

ред администрацией совхоза об освобождении Сухорученко?

— Неудобно, — оправдывалась Валя. — Скажут, что не сумела заставить работать. Упрекнул: какой же ты руководитель?

— Значит, самолюбие бережете?

Валя молчала.

— А мы вот, — Чепелев обвел глазами сидевших в красном уголке коммунистов, — думаем, что авторитет управляющего не пошатнется, а, наоборот, укрепитесь, если он избавит нас от заведомых лодырей и бездельников. Так что смело ставьте вопрос. Коммунисты вас поддержат.

Если бы Вало спросили, когда она почувствовала себя на своем месте, Валя не ответила бы, пожалуй. Может быть, тогда, когда к ней пришел бригадир дойного гурта Василий Коноплев с предложением по-новому расставить машины, занятые на подвозке силоса, или когда тракторист Сергей Михайлович Воронов поделился своими мыслями, как лучше механизировать раздачу кормов. Если шли к ней с такими делами, значит, считались с ее опытом, с ее умением оценить человека и его поступки.

А может быть, тогда, когда к ней в комнату стремительно вошел бригадир Крылов. В руках — туго набитая сумка.

— Тянут корма, — сказал он и поставил сумку на стол.

Там были концентраты, которые с таким трудом удалось добыть для телят.

— Надя, доярка, хотела тайком унести для своей коровы.

Казалось бы, ясно: доярку надо увольнять. Но прежде чем уволить, решили обсудить ее поступок на собрании. Пусть-ка люди выскажутся, пусть и задумается кое-кто.

На собрании Надя плакала.

— Раньше бы даже замечания не сделали!..

И вот это простодушное «раньше бы даже замечания не сделали» в корне изменило мнение управляющего. Ведь раньше действительно на растаскивание кормов смотрели сквозь пальцы. Мелкое, позорное воровство вошло у некоторых в привычку. Так ли уж виновата Надя? Нет, нельзя увольнять ее. Доярку оставили с испытательным сроком, наложив штраф.

...Вот он и прошел первый нелегкий год самостоятельной работы. Может быть, не все сделано, что намечалось, но дела на отделении поправились.

...Мы сидим с Валией в ее кабинете. Она говорит о весеннем севе, о том, что в нынешнем году идет он быстрее и организованнее. Дверь открывается ежеминутно, и в кабинет входят тракторист Сергей Воронов, то доярки Нина Маслова и Нина Леленкова, каждый со своими делами, требующими неотложного вмешательства.

— Вздохнуть некогда, — жалуется Валя.

Но чувствуется, она гордится тем, что некогда вздохнуть, тем, что много работы.

В. ШУСТИКОВ

Совхоз «Темижбекский», Ставропольский край.

ДАР ГУМАНОСТИ

«Во всем Соединенном королевстве не наберется столько жителей, сколько живых зверьков находится в моем собственном рту», — с величайшим удивлением писал изобретатель микроскопа, голландец Антони Левенгук, рассмотрев через увеличительные стекла комочек снятого с зуба камня. Так в 1670 году, впервые в истории человечества, были обнаружены микробы — невидимые простым глазом мельчайшие живые организмы.

В дальнейшем ученые установили, что одни «ничтожнейшие» существа — наши друзья, другие — враги, возбудители заразных болезней.

ОХОТНИКИ ЗА МИКРОБАМИ

Десятки миллионов жизней уносила когда-то оспа, а оставшимся в живых оставляла грустную память о себе — безобразные рубцы и шрамы.

Оспу старались обуздать. Еще в глубокой древности китайские и индийские врачи делали своеобразные прививки: протергивали сквозь кожу здорового человека нитку, смоченную гноем больного. Иногда это давало положительный результат.

В XVIII веке был принят гораздо более действенный и безопасный для здоровья метод прививки английского сельского врача Дженнера. Основывается он на народных наблюдениях. Дело в том, что оспой болеют коровы. Если же крестьянка заражается коровьей оспой, то переносит ее на людей. И уже не поражается той тяжелой формой оспы — натуральной, которой обычно болеют люди.

Поэтому Дженнер начал вводить под кожу людей гной, взятый у больного животного. С тех пор и пошло выражение — вакцинация; «вакка» по-латыни значит «корова».

Метод Дженнера, разумеется, значительно усовершенствованный, живет и по сей день. Благодаря ему в нашей стране оспа давно ликвидирована: в 1919 году декретом за подписью В. И. Ленина введено обязательное оспопрививание для всего населения. А вот на родине Дженнера, в Англии, как это ни парадоксально, нет такого закона, и вспышки оспы бывают там и сейчас.

Если спросить любого нашего врача, приходилось ли ему лечить чуму или холеру,

он наверняка разведет руками. Об этих болезнях он знает только по учебникам. А ведь сравнительно недавно было совсем иначе.

Черная смерть — чума — раньше поражала целые государства. Не помогли ни посты, ни молебны, ни карантины; чума опустошала города и села. Холерный мор буквально косил людей.

Много мужественных людей пытались бороться с чумой и холерой. Потрясает душу телеграмма врача А. Деминского, заболевшего чумой в 1912 году во время опыта: «Труп мой вскрыйте, как случай экспериментального заражения от суслика».

Сколько таких безвестных мучеников науки!

Ученик Мечникова, русский народоволец, а затем скромный библиотекарь Пастеровского института Владимир Хавкин произвел смелый опыт — ввел себе под кожу возбудителя холеры, но не заразился. До этого он сделал себе прививку собственной вакциной. Значит, она хорошо действует! Хавкин отправился в Индию, где свирепствовала эпидемия холеры. Там он успешно вакцинировал тысячи человек. А когда в Индии началась чума, он снова поехал в эту страну.

ЧУДЕСНАЯ ЗАЩИТА

Бывает, что микробы, возбудители тяжелых заболеваний, как бы берут человека «в кольцо осады», но

тем не менее он остается здоровым. В таком случае говорят: человек обладает иммунитетом — невосприимчивостью к заболеванию.

Наш организм имеет различные защитные приспособления. Возбудителей одних болезней губят выделения кожи, слизистых оболочек. Желудочный сок разрушает другие микробы. Вещество, убивающее бактерий, — лизоцим находится в крови, в слюне, молоке матери. Обезвреживают микробов печень, селезенка, лимфатические узлы. В крови находятся белые тельца — фагоциты, которые ученые справедливо называют «храбрыми солдатами». Фагоциты набрасываются на проникших в организм вредных микробов. Все это и составляет естественный иммунитет.

Но нельзя ли создать иммунитет и искусственно?

Ученые давно заметили, что после болезни в крови появляются особые вещества — антитела, которые уничтожают вредных микробов. Антитела долго сохраняются в организме, предохраняют его от по-

вторного заболевания. Если же человек все же заболел вновь, антитела вырабатываются в столь большом количестве, что недуг протекает легко.

Кто не слышал о лечебных сыворотках! Они содержат такие антитела, вырабатанные в чужом организме и помогающие уничтожать возбудителей того или иного заболевания. Они создают искусственный иммунитет, который, однако, быстро проходит. Поэтому сывороткой пользуются в качестве срочной меры; вводят ее, например, при подозрении на столбняк.

Но существует другой, более стойкий метод — не пассивная, а активная иммунизация. Она производится при помощи убитых или живых, но ослабленных микробов; вводя их, как бы заражают организм, который начинает вырабатывать антитела, поражает ими микробов. Активный иммунитет сохраняется месяцами, а иногда и годами.

Прививки, вызывающие активный иммунитет к той или иной болезни, — замечательный дар медицины, сохраняющий здоровье.

СПАСЕННОЕ ДЕТСТВО

«Это неизбежно, как корь». Такая поговорка еще бытует. Но с тех пор как были начаты прививки против кори, ее можно считать устаревшей. Вообще ученые считают, что неизбежных детских болезней теперь не существует.

Какую мать не волновала мысль о страданиях малыша, задыхающегося в тисках дифтерии?! Но после того как были введены обязательные прививки, заболеваемость дифтерией резко снизилась. Особенно «не поздоровилось» ей в Ростове, Литве и Эстонии, а ленинградцы вообще сказали дифтерии «нет!». Ленинградская общественность зорко следит за тем, чтобы ни один ребенок не пропустил сроков прививки: дифтерией уже два года не болел ни один маленький ленинградец!

Замечательных успехов достигли советские медики и в борьбе с «болезнью, плодящей калек», — полиомиелитом.

Подкрадывается эта страшная болезнь исподволь, и первые ее признаки расплывчаты: то ли грипп, то ли безобидное расстройство желудка. Но вдруг наступает паралич.

Несколько лет назад, когда эпидемия детского паралича прокатилась по всему миру и в СССР пристали случаи этого заболевания, которое раньше было редким, советская медицина взялась в кратчайший срок победить опасную болезнь.

Над этой проблемой уже давно работали американские ученые: ведь в США полиомиелит считался национальным бедствием, его эпидемии почти не прекращались. Поэтому русские ученые начали изучать опыт американцев.

Американский ученый Д. Солк, умертвив с помощью формалина возбудителя полиомиелита — вирус, приготовил из него вакцину, которую в США объявили спасительной. К сожалению, радость была преждевременной: тридцать процентов детей, которым ввели мертвый вирус, все же поражала болезнь. Кроме того, требовались частые повторные прививки, да и сама технология изготовления вакцины оказалась чрезвычайно кропотливой и дорогой.

Не лучше ли пойти по другому пути? Советские ученые решили воспользо-

ваться живым, но ослабленным вирусом полиомиелита; предложен этот метод был в свое время американцем А. Себином.

Советские специалисты считают применение живых вакцин наиболее действенным средством предупреждения инфекций. Заслуженным признанием пользуются наши живые вакцины против бруцеллеза, туляремии, лихорадки Ку. И вот в 1956 году в Ленинградском институте экспериментальной медицины профессор А. А. Смородинцев начал изучать свойства ослабленного вируса Себина. Опыты, тщательная проверка результатов, снова опыты. Лишь окончательно убедившись в полной безвредности вакцины, ленинградцы передали ее в клиники.

В Москве был создан Институт по изучению полиомиелита, который возглавил профессор М. П. Чумаков. Московские вирусологи значительно упростили иммунизацию, сделав ее удобной для врачей и даже довольно приятной для маленьких пациентов. В самом деле, какой малыш откажется от прививки, если она сводится к тому, чтобы проглотить шоколадную конфетку! Страшная болезнь отступила — вакцинировано все практически восприимчивое к заболеванию полиомиелитом население.

Советская медицина помогает всему миру. Живую вакцину получили дети в Болгарии, Чехословакии, Индии, ОАР, Коломбо, Кубе — она отправлена в 25 зарубежных стран.

Тысячи бумажных журавликов прислали нам из Японии. Журавль у них — символ благодарности. Это за те 10 миллионов целых конфет, которые доставили советские самолеты в Токио. Перед этим были многотысячные митинги, манифестации матерей. Японские женщины требовали закупить вакцину против детского паралича не в Америке, а в Советском Союзе, где она наиболее эффективна!

Трудно даже подсчитать, сколько человеческих трагедий удалось предотвратить с помощью маленькой конфетки. Вот почему не только нас, но и всех зарубежных друзей очень обрадовало известие: замечательным ученым Анатолию Александровичу Смородинцеву и Михаилу Петровичу Чумакову присуждена Ленинская премия.

Людмила КАФАНОВА

ГДЕ НУЖНЕЕ

Над широкой деревенской улицей летит веселая песня. И как бы в такт ей бренчат ведра, звенят пилы, лопаты.

— Скоро будем с новым клубом, — переговариваются меж собой пожилые колхозники. — Уж коли молодежь взялась за дело...

Мазгуда счастлива. Немалых хлопот стоило ей, вожаку колхозных комсомольцев, организовать это строительство. Сколько раз доказывала в правлении, что культура — дело не второстепенное. Потом доставала необходимые материалы. Желающих принять участие в стройке оказалось много. Быстро росли бревенчатые с янтарными блестками смолы стены. Сегодня нужно их уже подвести под крышу...

Восемнадцать лет. Много это или мало? Если судить по Мазгуде Муртазиной, и в восемнадцать лет можно добиться уважения односельчан. После окончания семилетки осталась Мазгуда в колхозе. Для нее не существовало грязной, нелюбимой работы. Хотелось только, чтобы работа эта была самой важной, самой ответственной. «Пойду работать на ферму», — решила она.

— Чабанкой? — удивился бригадир. — Убежишь, девочка. Не выдюжишь.

Карие глаза Мазгуды потемнели от обиды.

«Ладно. Посмотрим, что из тебя получится», — подумал бригадир и согласился дать ей отару. В помощники назначил Сазиду Ишмухаметову.

Задолго до рассвета пришлось вставать Мазгуде. Заходила за Сазидой, и они шагали по переметенной сугробами дороге на ферму. Кое-как утеплили помещение, стали заготавливать веточный корм для подкормки овец.

А сколько бессонных ночей провела Мазгуда на ферме во время окота!

Старания девушек не пропали даром. Не прошло и года, как артель-

ная отара удвоилась. А Мазгуду правление назначило на птицеферму.

Жаль было оставлять работу, к которой только-только успела привыкнуть, но раз надо, значит, какие могут быть разговоры!

С душой работала Мазгуда и на птичнике. Советовалась со специалистами, читала нужную литературу. За результаты свои краснеть ей не приходилось: яйценоскость кур была на уровне самых лучших ферм района. Казалось бы, что еще нужно?

И вдруг — Обращение ЦК КПСС к сельским труженикам об освоении механизаторских специальностей. «Вот бы и мне сестя за руль!» — размечталась Мазгуда.

— Ишь, чего задумала! — всплеснула руками мать. — Да у нас сроду в деревне баб-трактористок не было!

— Да мало ли чего не было раньше! — горячилась Мазгуда. — Кино вы в молодости видели? Электричество в домах было? Жизнь-то вперед идет!

Не остановили ни насмешки парней, ни беззлобные шутки подруг. Уехала Мазгуда в училище механизации, села за учебники.

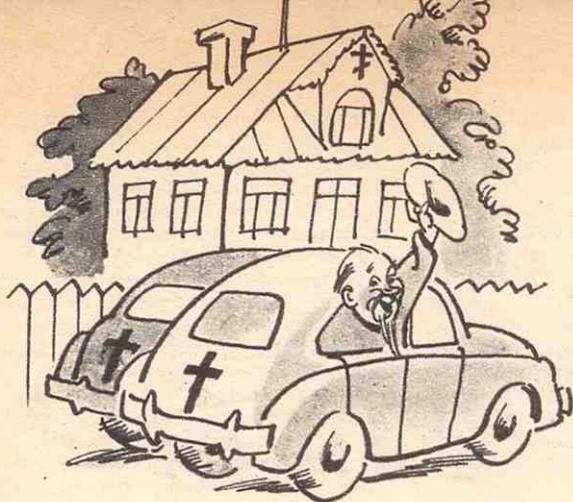
Каким счастливым был день, когда научилась девушка управлять трактором «ДТ-54»!

— Мне просто не верилось, что такая промадина послушается меня! — возбужденно рассказывает Мазгуда. — Вокруг собрались все наши ребята. Ну, думаю, опозорюсь сейчас. Но ничего — послушался.

А теперь, когда приезжает Мазгуда на выходной домой, никто уже не подшучивает над ней. Наоборот, подруги расспрашивают об учебе с интересом. Кто знает, может быть, осенью не одна из них решится пойти по следам Мазгуды. Ведь пример таких неугомонных людей, как Мазгуда, заразителен.

Е. ВОРОНОВ

Колхоз «Дружба»,
Ачинский район,
Красноярский край.

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Елена Дмитриевна Минаева всего дороже ценила здоровье. Но и деньгами не гнушалась. На здоровье она не обижалась, а вот о деньгах после смерти мужа стала задумываться: и самой жить надобно, и две дочери на попечении.

Работать, как все люди, Елена Дмитриевна считала ниже своего достоинства. Ей то и дело вспоминалась побасенка о муравье, который не по себе ношу таскает и никто ему спасибо не говорит. И чтобы трудами праведными не обременять себя, решила Минаева завести бычка-производителя Яшку: уход небольшой — доход порядочный.

Но, как говорится, дай душе волю, захочется и поболее. В один прекрасный день Минаева превратилась в Плотникову.

Свадьба эта вызвала недоуменные толки. Здоровая женщина — и вдруг выходит замуж за Симочку, инвалида от рождения, который не только передвигаться, а и шевельнуться без посторонней помощи не может.

Однако толки и пересуды Елену Дмитриевну не смущали. У нее был свой, глубоко продуманный план.

Вскоре по Орловщине распространились слухи, что в Болохове, на Шацкой улице, объявился божий избранник — братец Серафим, наделенный даром целителя, прорицателя и незаменимого советчика по любым жизненным вопросам.

Замужество Елены Дмитриевны оказалось, таким образом, браком по расчету — в расчете на темноту и невежество.

К домику на Шацкой, куда недавно вели на свидание с бычком Яшкой коров и телок, потянулись алчущие пророчества и жаждающие чудес...

— Мужа моего, братец Серафим, в тюрьму засадили. Вернется ли он и когда?

Братец Серафим раскачивается в дубовом кресле перед огромным иконостасом, закатывает глаза под потолок и громким, скрипучим голосом изрекает:

— Муж твой через месяц или два вернется из тюрьмы, но уйдет от тебя к другой женщине.

— Я, — рассказывает бывшая клиентка брата Серафима, попросившая не называть ее фамилии, — как громом была поражена этим ответом. Муж действительно изменил мне. Я вытащила кошелек и спрашиваю: «Сколько вам, Серафим Николаевич, за гадание?» «Я не гадаю, — сказал Плотников, — а отвечаю на вопросы по наитию божьему. А насчет платы ничего не прошу, ибо вели бог дать, не вели бог просить!» Муж мой вернулся из тюрьмы, но не так скоро, как предрек Симочка, а только через четыре года, — продолжала свое признание женщина. — К другой он не ушел, живет в семье. За время отсутствия мужа я еще один раз побывала у Серафима. Случилась у меня неприятность на работе, и я горяча подала начальнику учреждения заявление об уходе по собственному желанию. Знакомая мне посоветовала: «Зачем ты поторопилась, прежде бы зашла к Симочке». Дождавшись перерыва, я побежала к Плотникову. Он попросил меня прийти на следующий день: мол, надо все обдумать.

А когда я утром постучалась к нему, он мне без обиняков: «С работы не уходи и, пока начальника на работе нет, зайди в его кабинет, найди в ящике стола свое заявление и порви его».

Я, оставив на столе пятерку, поспешила на работу. Начальник в самом деле уехал. Выдвинула я средний ящик письменного стола — на виду лежит мое заявление. Схватила его, порвала, и все обошлось...

Только к Симочке я больше не ходила и никогда не пойду. Вскоре поняла я, как «работает» этот «пророк».

Город наш маленький, люди друг у друга все на виду, а клиентура у него солидная. Вот он и разузнал от одной сотрудницы — она мне сама об этом говорила, — что начальник уехал, а мое заявление в незапертом ящике. А у меня старался выведать все, что я знаю о соседках, товарищах по работе. Память у него хорошая, он и держит все в голове. А при случае выкладывает полученные из других рук сведения и производит на легковверных впечатление прорицателя, «осененного божьей благодатью».

Иные становятся невольными помощниками прорицателя. Но есть посредники и заинтересованные, поддерживающие с ним и его женой «деловой» контакт.

Среди частых посетителей болоховского «пророка» — фельдшер районной больницы Елена Ивановна Леонович. Она утверждает, что ходит к Серафиму Плотникову только из сожаления, что конфеты, печенье приносит ему не в качестве гонорара за предсказания, а просто как гостинцы...

Между тем благодаря «гостинцам» на имя Плотникова приобретается автомобиль, за ним другой, отстраивается просторный дом.

В городе есть и вторая «знаменитость» — «целительница» и ворожея Анастасия Павловна Бабкова. Некоторые ее успехи в знахарской практике объясняются тоже просто: она пользуется пенициллином и другими медикаментами.

Леонович как медицинский работник могла бы давно разоблачить шарлатанскую деятельность и Бабковой и Плотникова. Но своими посещениями Елена Ивановна только создает им рекламу.

Однажды в деревне Григорово агроном совхоза стыдил работницу Пелагею Пучкову и доярку Барвару Степину за то, что они ездят к Серафиму Плотникову.

— Образованные, не нам чета, — ответила Степина, — бывают у Симочки и не гнушаются его советами!

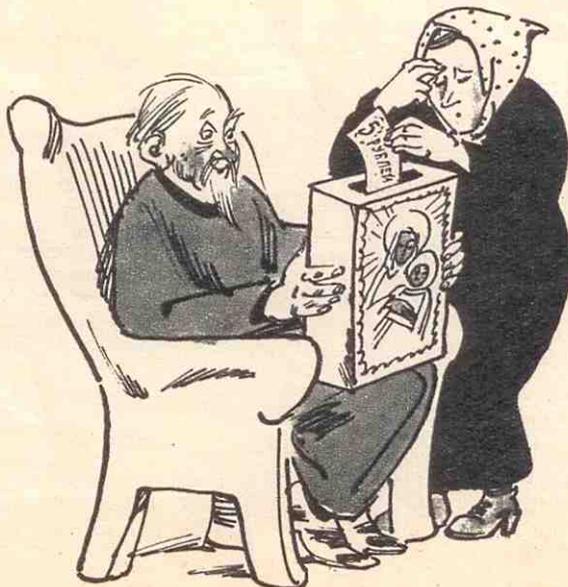
И вот такие-то «образованные» способствуют тому, что на Шацкую улицу текут все новые и новые толпы паломников, все новыми и новыми доходами пополняется касса Елены Дмитриевны.

А Елена Дмитриевна всегда в преотличнейшем настроении. На здоровье она по-прежнему не жалуется, да и денежные дела у нее поправились. Клиентура у Симочки куда обширнее, чем у Яшки, и, главное, не ограничена сезонностью.

Б. БЕЛЯЕВ

Рисунки Ю. УЗЬЯКОВА.

г. Болохов,
Орловская область.

СЕРДЦЕ ПОДСКАЖЕТ

Сегодня, как всегда, как шесть лет подряд, Райка пошла в школу по той же тропинке, петляющей в льняном поле.

А в обед к матери на ферму пришел учитель Иван Яковлевич. Отозвал ее в сторону и сказал:

— Мне нужно поговорить с вами. О вашей дочери.

У Ольги Ильиничны аж сердце зашло.

— Чего о ней говорить-то? Или случилось что?

Иван Яковлевич посмотрел пристально.

— А вы знаете, что уже несколько дней ваша дочь в школу не ходит?

— То есть как это не ходит? — растерянно выговорила Ольга Ильинична. — Каждый день... полвосьмого...

И вот они дома у Ольги Ильиничны.

— Вы рассказываете, рассказывайте, — говорит Иван Яковлевич. — Давайте вместе разберемся, почему она и меня и вас обманывает. Почему у вас дома такая ложная обстановка?

— Ну уж какая тут обстановка? — нерешительно возражает Ольга Ильинична. — Семья у нас простая. Колхозная семья. И обстановка тоже... простая... Почему же ложная?..

Иван Яковлевич хмурится.

— Расскажите-ка все с самого начала. Ведь самое важное — узнать, когда это началось. Вспомните первый класс, первые отметки...

Ольга Ильинична просияла.

— Ну, первую — отметку мы с ней хорошо помним — пятерка была. За чтение.

— А дальше?

— А дальше всякое случалось. И двойка однажды появилась.

— Как вы к этому отнеслись?

— Известное дело... В таких случаях без строгости никак нельзя. Она мне тогда же и обещание дала, что больше двоек не будет получать.

— И сдержала свое слово?

— Какое там сдержала! — Ольга Ильинична махнула рукой. — Только потом она их, эти двойки и тройки, прятать стала от меня.

— Каким образом?

— Очень просто. Учительнице скажет, что дневник дома забыла, а мне — что ее на уроках не спрашивали. Ну, а я обо всем от подружек ее узнавала. И такую взбучку Райсе устраивала!

— А вы знаете, что она и отметки в дневнике поддельвала?

— И за это ей доставалось здорово! Будет всю жизнь помнить!

— А вы бы поговорили с ней по-хорошему.

— А чего тут разговаривать! Это вам в школе разговаривать надо. Я же день и ночь работаю, чтобы ее лучше обути, одеть да выгучить, а она отметки поддельвает! Нет уж! Тут действовать надо. Из рук выпустить — потом не вернешь.

— Вы уже упустили.

— Ничего подобного. Я ее сегодня так проучу — она весь год будет, как шелковая...

— А может, этого и не надо делать, Ольга Ильинична? — мягко сказал Иван Яковлевич. — «Проучивать-то» не надо. Мы вашу девочку разыскали сегодня в Абакумове у одной старушки. Старушка тихая, добрая, да уж слишком тихая и слишком добрая. В селе говорят, что она евангелистка. А ребятшек очень привечает. Крутятся все время около ее дома. Старушка то угостит их конфеткой, то сказку расскажет, то к себе в дом пригласит. Вот и ваша девочка повадилась к ней.

— Что же мне теперь делать-то? — спрашивает озабоченно Ольга Ильинична.

Иван Яковлевич сидит сосредоточившись.

— Давайте подумаем, как лучше поступить. Только от сегодняшнего разговора с Раей зависит очень многое. Может быть, вся ее будущая жизнь. Вы еще можете вернуть себе дочь.

«Вернуть...» — думает про себя Ольга Ильинична. — Чего ее возвращать? Куда она денется? Вырастет не хуже других».

А Иван Яковлевич продолжает:

— Вы постарайтесь найти в своем сердце самые правильные, самые хорошие слова. Попробуйте заглянуть ей в душу. Вспомните, когда началось ваше отчуждение. Постарайтесь стать другом своей дочери.

Ольга Ильинична молчит и почти не слышит, что еще говорит учитель.

«Правильные слова...» А разве до этого дня она говорила дочери неправильные слова? Разве она учила ее чему-нибудь дурному?..

Возвратившись с вечерней дойки, Ольга Ильинична застаёт Райку спящей. На столе записка: «Мама, разбуди меня в шесть часов. Пожалуйста».

Несколько минут Ольга Ильинична стоит молча, держа записку в руках. Ей нравится неожиданное слово «пожалуйста». Потом она тихо подходит к своей постели, гасит свет и ложится.

За занавеской, в маленькой комнатке, ворочается Райка — причина всех ее сегодняшних неприятностей.

Ветер стучит в окна, в двери, ветер гонит с юга весну, и Ольга Ильинична мысленно уже видит черные, оттаявшие поля. «Скорей бы уж, — думает она. — Ох, руки-то опять немеют!»

Ольга Ильинична привстала, потрясла руками. К пальцам медленно возвращалось осязание.

Мысли опять перекинулись на дочь.

«Ведь об одном только и твержу: учись, учись хорошенько! Уж, кажется, только для нее и живу, только для нее и стараюсь! А он что сказал? «Значит, у вас дома ложная обстановка». Это какая же такая «ложная?»»

Ольга Ильинична задумалась, вспоминая пережитое за эти тринадцать лет.

Когда муж ушел к другой женщине, осталась она одна с маленькой, шестимесячной Райкой. И все эти годы что знала она, чем жила? Ферма

и Райка. Работа и дом. Правда, были и особые дни в жизни Ольги Ильиничны: когда премировали за хорошую работу, посылали на совещания, выбирали в президиум собрания, награждали почетными грамотами. Было это...

А потом Райка пошла в школу. Ясенки, где они живут, — маленькая деревня, школы в ней нет, и Райка ходит за три километра в Абакумово.

Ольга Ильинична, закрыв глаза, припомнила, как провожала Райку за деревню, до трех тополей, что стоят у дороги... А дальше начиналось поле. И по этому полю пробегала узенькая тропочка. По ней уходила Райка все дальше, к невысокому кустарнику, к линии железной дороги.

Медленными шагами мерила землю Ольга Ильинична, направляясь от тополей к ферме, и мечтала: вырастить бы Райку ученой, образованной! И чтобы за добрую душу ее, за ум и знания, за трудолюбие все уважали бы и любили Райку...

Что ж в этом ложного? Разве она плохого желала для своей дочери?..

Почему же Райка никогда не рассказывала матери, чему и как учат их в школе? Почему сами учителя не забыли раньше тревогу? Видели ведь: у матери ни одной свободной минуты. Свое хозяйство, да работа на ферме, да постирать, да дом прибрать. Где уж тут разговорами заниматься! Да и о чем разговаривать-то? И так все ясно: «Учись, Райка! Учись хорошенько, выходи в люди!»

Может, и сомневалась иногда Ольга Ильинична, не слишком ли сурово обращается с дочерью. Ну, а как же иначе? Глядишь, и разбалует. Без отца ведь растет, оправдывала она свою строгость.

А память снова подсказывает забываемый случай. Когда же это было? Во втором... Нет, в третьем классе!.. Как-то ранней весной забжала Ольга Ильинична домой пообедать. Сковородку с картошкой из печи вынула, к столу подошла, а на столе двойной листок белой бумаги лежит. Некогда было Ольге Ильиничне рассматривать, что это за бумажки, подложила их под сковородку, а после к печке на растопку бросила. Вечером заметила, что Райка сидит на полу у печки с заплаканными глазами и расправляет эти листочки. Прикрикнула на нее, заставила руки вымыть и спать лечь.

А наутро, растопляя печку, только и успела прочитать на вспыхнувшей замусоленной бумажке: «Дорогая мама». «Господи, совсем забыла, ведь Восьмое марта вчера было!» — спохватилась Ольга Ильинична. Но Райке ничего не сказала. Пусть думает, что мать всегда права...

Уже сочится в окна лиловый рассвет, а Ольга Ильинична так и не уснула. Она сидит на постели и шепчет:

— Когда это началось? Разве я знаю? А слова-то правильные недолго искать... Они вот тут... — Она прижимает руки к сердцу. — Только, наверно, говорить-то их надо умеючи...

Александра АНИСИМОВА

Сарафан из ситца или сатина, прямой, цельнокроеный. На концах шарфа прорезные карманы. К сарафану подойдет узкий белый пояс.

Сарафан из штапельного полотна с крупным набивным рисунком. Широкие бретели выкраиваются вместе с лифом.

Сарафан из ткани двух цветов. Например, лиф — из гладкой красной, юбка и бретели — из черной набивной. Бретели спереди пристегиваются к лифу на пуговицах.

Открытое платье без рукавов из хлопчатобумажной ткани. Вырез горловины круглый. Линия талии занижена, юбка слегка присборена.

Летние платья и костюмчики из хлопчатобумажной ткани для детей-дошкольников.

Моды

33 розам

БЕРЕГИТЕ УРОЖАЙ ОТ ПОЖАРА!

Цена номера 10 копеек.
Индекс 70434